

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКЪ VI

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Останин.	3. Якуты.
2. Вурата.	4. Тунгусы.

Юлагиры.

Четыре этнографических рисунка и карты.

Подписная цена 4 рубля безъ пересылки.

Въ отдельной продажѣ 4 р. 40 к.

Условія подписки на четвертой страницѣ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА.

ВОЛЬНАЯ ПОДЪЕЗДСКАЯ, Д. № 39.

1880.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМЪ.

ВЫПУСКЪ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Вольная подъяческая № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Января 1880 года.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

XLIV. О С Т Я К И.

Наружный видъ.—Нравы и бытъ.

По свидѣтельству историка Миллера, остяки появились впервые въ Тобольской губерніи въ 1372 г. по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермю въ христіанскую вѣру и когда много народовъ, боясь притѣсненія со стороны завоевателей и принужденія бросить свою вѣру, удалилось на берега Оби. И повинѣ остяки въ числѣ 23,000 душъ населяютъ губерніи Тобольскую и Томскую, и живутъ преимущественно по берегамъ рѣкъ Иртыша, Оби, Енисея и притокамъ ихъ. Хотя въ точности не извѣстно происхождение остяковъ, но есть нѣкоторыя историческія данныя, на основаніи которыхъ можно почти съ достовѣрностію отнести ихъ къ восточной вѣтви финскаго племени. Въ древности остяки назывались «Арьяхи» что значить по остяцки «много человѣковъ», отъ «яръ»—много и «хо»—человѣкъ. Когда ихъ покорили татары, они стали называться «хандихо», отъ слова «ханъ»—государь и «хо»—человѣкъ, т. е. государевы люди. Татары же называли остяковъ презрительнымъ именемъ «уштяки», что означаетъ грубыхъ, невѣжественныхъ людей, въ

родѣ варваровъ. Когда русскіе покорили татаръ, то передѣлали на свой ладъ слово уштякъ и, подѣ именемъ остяковъ, внесли это племя въ свои росписи. Языкъ остяцкій дѣлится на четыре нарѣчія: обдорское, югорское, кодское и сургутское. Въ обдорскомъ много словъ самоѣдскихъ и зырянскихъ; въ югорскомъ—вогульскихъ; въ кодскомъ—татарскихъ; а въ сургутскомъ—всѣхъ этихъ нарѣчій. По этому можно судить, какъ языкъ остяцкій бѣденъ.

Въ наружности остяка нѣтъ ничего рѣзко выдающагося. Онъ большею частію средняго роста съ большой головою, съ узкими черными глазами, съ сжатымъ лбомъ, съ выдавшимися скулами, съ толстыми губами и приплюснутымъ носомъ. Кожа у нихъ грязновато-сизая, грудь широкая и приподнятая, волосы черные, жесткіе и вслоченные. Они очень неопрятны и поэтому черепъ у нихъ почти всегда оголенъ. Нѣкоторые изъ нихъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы. Отъ врожденной валоности борода у нихъ рѣдко бываетъ, а если и выступаетъ щетиною, то они ее выдергиваютъ. Вообще мужчины имѣютъ видъ пасмурный, смотрятъ изъ подлобія, а женщины—болѣзненный. Выдающаяся черта характера остяка—честность и добродушіе. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда не запретъ двери просящему убѣжища; охотно подѣлится своей добычею; богатый считаетъ своимъ долгомъ помочь бѣдняку. Дѣти природы,—остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы, услужливы и гостепріимны. Между ними нѣтъ ни воровъ, ни убійцъ; здѣсь воровство—какъ исключительный случай: никто никогда не запираетъ своего имущества, даже верѣдко оставляютъ его среди тундръ.

По образу жизни, остяковъ слѣдуетъ раздѣлить на осѣдлыхъ и бродячихъ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по берегамъ р. Иртыша, гораздо развитѣе прочихъ племенъ и живутъ на русской ладъ; на нихъ замѣтно отразилось русское вліяніе; они промышляютъ скотоводствомъ, земледѣіемъ и мѣнною торговлею, и весьма немного занимаются рыбною и звѣриною ловлею. Бродячія племена остяковъ

занимаютъ пространство по берегамъ рѣкъ Оби, Таза, Енисея и преимущественно у послѣдняго и притокамъ его. Они занимаются исключительно рыбной и звѣриной ловлею и совсѣмъ незнакомы съ промыслами осѣдлыхъ жителей. — Несомнѣнно, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, народъ остяцкій былъ весьма многочисленъ, что доказывается множествомъ городковъ, представляющихъ нынѣ развалины; онъ управлялся нѣсколькими независимыми князьями, воевавшими между собою. Императрица Екатерина II утвердила двухъ князей. Нынѣ у остяковъ только одинъ князь Матвѣй Ивановичъ Тайшанъ, проживающій въ городѣ Обдорскѣ.

Иртышскіе остяки утратили окончательно свою самобытность; въ языкъ ихъ вошло много словъ русскихъ и татарскихъ. Всѣ они христіане и управляются русскими властями. Бродячіе же остяки — язычники; они распадаются на множество племенъ или родовъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который заботится о сохраненіи порядка и согласія въ родѣ, и производитъ судъ и расправу; недовольные имъ жалуются князю. По промысламъ остяковъ можно раздѣлить на двѣ группы: оленеводовъ и рыболововъ. Послѣдніе живутъ крайне бѣдно. Бѣдность эта происходитъ не по винѣ самаго остяка, а потому, что его всячески притѣсняютъ и эксплуатируютъ купцы-барышники. Бѣдному остяку никогда не приходится пользоваться плодами своихъ трудовъ; такъ напримѣръ, лучшую рыбу забираютъ у него обдорскіе, березовскіе и тобольскіе купцы-кулаки. Пользуясь слабостью остяка къ водкѣ, они даютъ ему ее въ долгъ, весьма недоброкачественную, съ разными одурающими подмѣсами, и когда остякъ выпьетъ этого зѣлья, опьянѣетъ, — тогда купецъ-кулакъ вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку и за ничто отбираетъ у него все, что могло-бы дать ему хорошій заработокъ. Понятно, законъ преслѣдуетъ подобное злоупотребленіе; но, не взирая на законъ, безсовѣстные торговцы всегда находятъ случай продать остякамъ это гу-

бительное зѣлье по непомятымъ цѣнамъ. Всѣ остяки поголовно пьютъ водку, не исключая женщинъ, и даже поятъ ею дѣтей.

Кромѣ водки, остяки страстно любятъ табакъ и употребляютъ его во всѣхъ видахъ: — и курятъ, и жуютъ, и нюхаютъ его въ огромномъ количествѣ. Остяки-олeneводы бродятъ со стадами оленей по берегамъ Ледовитаго моря и занимаются тамъ морскою ловлею, бьютъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей. Когда настаютъ холода, они удаляются въ лѣса. Каждый родъ держится отдѣльно отъ другихъ и идетъ подъ начальствомъ своего старшины. Всѣ промышленники сходятся въ концѣ декабря въ Обдорскѣ на ярмаркѣ. Въ послѣднее время число оленеводовъ стало замѣтно уменьшаться вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ самоѣдами. Въ Обдорскѣ остяки обмѣниваютъ свои произведенія, какъ-то: пушной товаръ, готовое платье изъ оленя, оленину, мерзлыхъ осетровъ, мамонтову кость и т. п. на муку, печеный хлѣбъ, табакъ, горшки, котлы, кожу, иголки, мѣдныя пуговицы и кольца, бусы и много другихъ бездѣлокъ.

Звѣриный промыселъ ведется остяками далеко не съ такою страстью, какъ рыбный; онъ необходимъ имъ только для взноса ясака и для платы за забранный хлѣбъ въ казнѣ. Ясакъ уплачивается изъ вырученныхъ отъ продажи звѣриныхъ шкурокъ денегъ, или же богатыми шкурками пушпаго звѣря. Взносъ ясака въ каждомъ родѣ лежитъ на обязанности старшины.

Что касается до рыбнаго промысла, то, какъ только весенній снѣгъ начнетъ таять, остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется на берегъ любимой имъ рѣки и устраиваетъ тутъ свое временное жилище, т. е. ставитъ чумъ. Чумъ ставятъ такъ: 60 кольевъ втыкаютъ въ землю, связываютъ ихъ вверху такъ, чтобы оставалось отверстіе для выхода дыма; потомъ обшиваютъ чумъ вареной берестою. Вскрытія рѣкъ не ждутъ, а пробиваютъ пешнями размокнувшій ледъ, запускаютъ сѣти и, дрожа отъ наслажденія, впадаютъ въ первую трепещущую рыбу, которую ѣдятъ живьемъ. Когда остякъ на-

ловить рыбы, утолить свою жажду и голодъ, онъ беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ со словами: «Принеси дровъ, раскладывай огонь—будемъ жить весело».

Все лѣто на Оби раздается уха́нье и стонъ остяковъ-рыболововъ, которые ловятъ рыбу и сѣтями, и вершами, и удочками; готовить ее и въ запасъ и на продажу. И боготворятъ остяки свою кормилицу—Обь съ ея унылыми, однообразными берегами, наводящими грусть на человѣка непривычнаго, незнакомаго съ грозной природою сѣвера. При первыхъ заморозкахъ, по первому снѣгу, рыболовы вытаскиваютъ свои лодки и принимаются за зимнія работы: за изготовленіе нартъ, лыжъ и охотничьяго оружія, или же отправляются въ тайгу, т. е. лѣсъ, на звѣриную ловлю.

На женщинахъ остяцкихъ лежатъ всѣ тяжелыя домашнія работы; у нихъ женщина безпрекословная, забитая раба. Обращаются съ ними остяки крайне грубо; за малѣйшее ослушаніе или медленное выполненіе работы, онѣ подвергаются жестокимъ побоямъ со стороны своихъ сожителей. Остякъ въ юртѣ у себя сидитъ цѣлый день поджавши ноги, куритъ и жуетъ табакъ, и глядитъ на огонекъ требуя только услугъ отъ своей рабыни-жены. Кромѣ работъ по домашнему хозяйству, остячки занимаются выдѣлкою холста, шитьемъ, вязаньемъ, колятъ дрова. И все это дѣлается ими безпрекословно, съ полнѣйшею покорностью судьбѣ, которая будто обрекла ихъ на это рабство съ самой колыбели. Дѣтямъ даютъ воспитаніе суровое, приучаютъ ихъ съ самаго ранняго возраста къ тяжелымъ работамъ. Съ 12 лѣтъ остяцкія дѣти умѣютъ уже стрѣлать, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, ставить чумы и проч. Послушаніе дѣтей къ родителямъ сохраняется строго, но не по долгу, а изъ страха.

Иртышскіе обрусѣвшіе остяки, какъ уже было сказано выше, ведутъ осѣдлый образъ жизни и живутъ въ избахъ на-подобіе рус-

скихъ. Другіе изъ нихъ переняли многое отъ татаръ, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ устройствѣ жилищъ.

Остяцкія селенія разбросаны въ 20, а иногда и въ 50 верстахъ одно отъ другаго, отъ 3 до 20 юртъ или хижинъ. Онѣ всегда строятся въ лѣсахъ по близости рѣкъ. Юрта—это бревенчатая изба съ сѣнями. Въ углу, близъ двери, битый изъ глины татарскій чуваль, въ которомъ всегда горитъ огонекъ. Возлѣ стѣнъ—нары, какъ у татаръ, съ настланными на нихъ «тагарами», т. е. рогожами, довольно искусно сплетаемыми изъ травы; одно окно,—у богатыхъ со стекломъ, у бѣдныхъ пузырчатое или съ вставленной въ него льдиной. Въ такой хижинѣ живетъ иногда до пяти семействъ, и каждому отгорожено на нарахъ особое мѣсто. Остяки живутъ въ своихъ селеніяхъ только зимою. Едва въ началѣ іюня вскрыется ледъ, остякъ собираетъ все свое имущество, складываетъ его на длинныя и глубокія лодки, по двѣ вмѣстѣ спароленные, и отправляется на Обь и другія большія рѣки. Тамъ живетъ онъ въ берестяныхъ шалашахъ до сентября, занимаясь рыбной ловлею.

Обыкновенная пища остяковъ—рыба: сырая, мерзлая, вареная и сушеная; оленина сырая и вареная. Хлѣба ѣдятъ мало. Но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ «салыкъ» —похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лучшая пища ихъ «варка» —рыбьи брюшки и кишки, уваренныя до-густа въ рыбьемъ жирѣ, и «поземы», т. е. хребты москуновъ, провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Остяки строгаютъ сырую рыбу ножомъ и съ жадностью пожираютъ огромное количество этихъ стружекъ. Строганина, приготовленная изъ тонкихъ стружекъ лучшей рыбы, составляетъ не только любимое блюдо сибирскихъ инородцевъ, но отъ него не откажутся даже и образованные обитатели Сибири. Что касается до употребленія мерзлой сырой рыбы въ зимнее время, то это свойственно всѣмъ кореннымъ обитателямъ Восточной Сибири. Многіе упрекаютъ остяковъ за употребленіе крови животныхъ, но дѣлается это

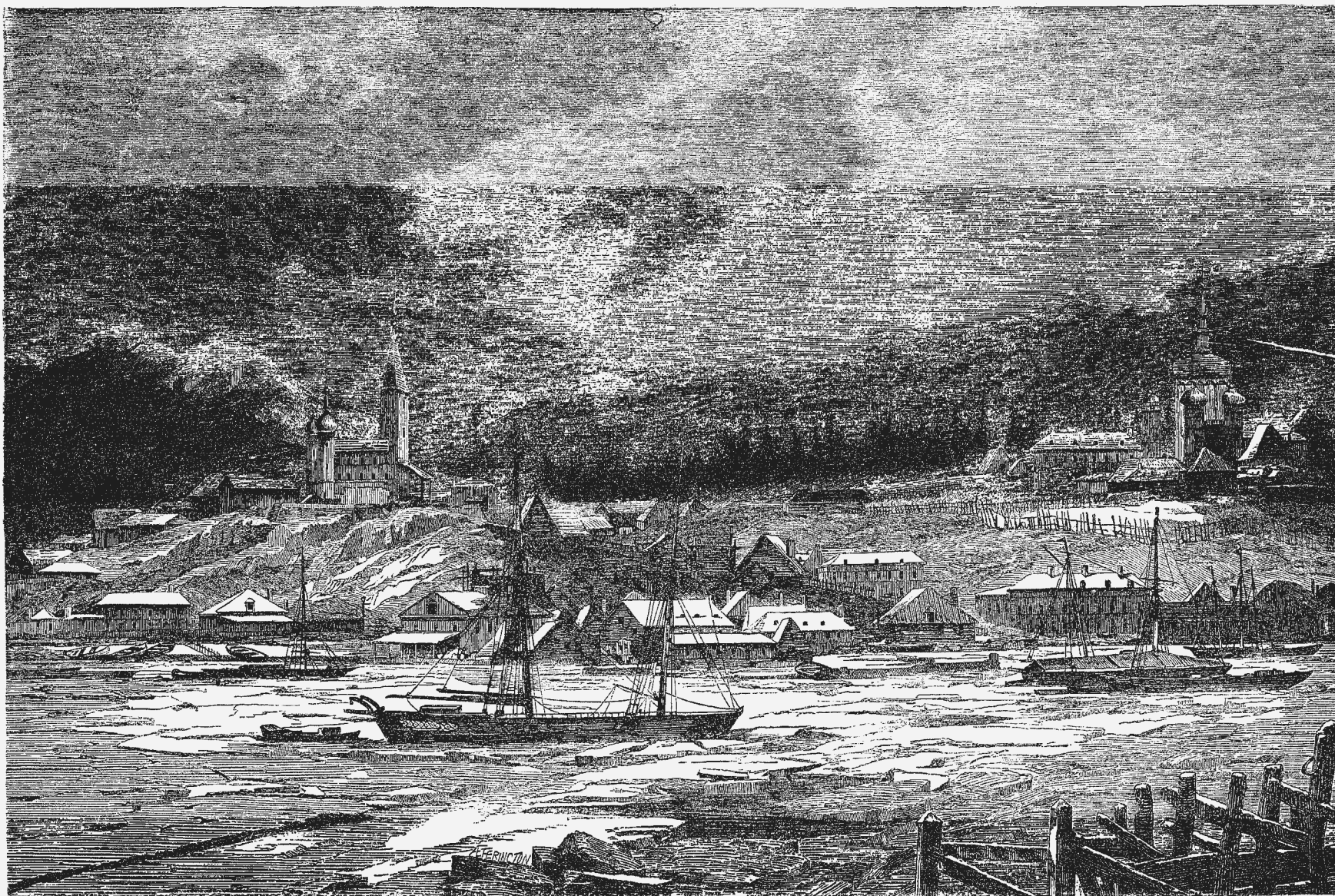
совсѣмъ не изъ кровожадности, какъ думаютъ нѣкоторые, даже ученые, а просто иногда въ силу необходимости. Извѣстно, что кровь животныхъ служитъ лекарственнымъ средствомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ напримѣръ отъ скорбута, которому весьма подвержены всѣ жители крайняго сѣвера, вслѣдствіе дурныхъ условій жизни.

Перейдемъ теперь къ одеждѣ остяковъ. Остячная одежда очень оригинальна и вполне приспособлена къ жестокости климата на крайнемъ сѣверѣ. «Малица» шьется изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу, въ видѣ мѣшка и длиною до колѣнъ, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами, и съ отверстіемъ для головы; внизу опушка изъ собачьяго или волчьяго мѣха. Надѣвается она прямо черезъ голову и подпоясывается широкамъ кожанымъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными пуговками, какъ чешуею, и съ мѣдной пряжкой. Къ поясу привѣшивается съ боку ножъ въ кожаныхъ ножнахъ и кожаная сумочка съ огнивомъ, кремнемъ и трупомъ. «Парка» похожа на малицу и тоже изъ оленьихъ шкуръ, но шьется шерстью наружу. Въ большіе морозы остяки еще надѣваютъ такъ называемый гусь», также шерстью вверхъ и съ пришитою къ нему шапкою. Зимомъ обувь состоитъ изъ «чижей» — длинныхъ чулокъ изъ молодой оленьицы, шерстью внизъ, а сверхъ чижей надѣваютъ «пимы», сапоги изъ шкурокъ съ оленьихъ ногъ. Лѣтомъ они носятъ «лѣтній гусь», который шьется изъ сукна яркихъ цвѣтовъ, и «деговой» — сапоги изъ выдѣланной оленьей кожи. Обрусѣвшіе же остяки носятъ лѣтомъ русскія рубахи и шаровары, а зимомъ вышеописанный костюмъ, къ которому ихъ приучилъ суровый климатъ сѣвера. Женщины носятъ холщевыя рубахи, унизанныя стекларусомъ на груди и вышитыя по подолу разноцвѣтными шерстями; однорядки холщевыя, ситцевыя и шелковыя; голову покрываютъ, какъ татарки, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахромою, называемымъ «вокшимъ». Имъ окутываютъ и лицо. Зимомъ же носятъ онѣ оленью шубу, шерстью внизъ, съ частыми завязками спереди; эта шуба унизывается кисточками и

побрякушками. Обувь та же, какъ и у мужчинъ. Остячки татуируютъ себѣ руки, накалывая на нихъ иглою изображенія птицъ, звѣрей, узоры. Волосы заплетаютъ сзади въ двѣ косы. У конца каждой привѣшена пскромка изъ сукна, длиною до колѣвъ, съ напизанными на ней металлическими кружками, бляхами и побрякушками.

Изъ остяковъ нѣкоторые крещены; по громадныя разстоянія и кочевая жизнь ихъ лѣтомъ много препятствуютъ распространенію между ними христіанства. Вообще число крещеныхъ остяковъ не свыше 2000 д. обоюго пола, и то, въ дремучихъ тайгахъ и на неизмѣримыхъ тундрахъ, при непрерывномъ обращеніи съ язычниками, — они только по имени христіане.

У язычниковъ каждый родъ имѣетъ своихъ кумировъ, которые хранятся въ особыхъ юртахъ, называемыхъ «божьи юрты». Каждый изъ идоловъ имѣетъ свое назначеніе: одни покровительствуютъ стадамъ, другіе — хорошему лову, третьи — охраняютъ въ путешествіи. Остяки имѣютъ верховное божество «торыма», властителя вселенной, живущаго на небѣ и котораго, по ихъ религіознымъ понятіямъ, нельзя утруждать никакими просьбами. Но въ помощь ему дано множество божествъ, добрыхъ и злыхъ. Одни изъ нихъ были въ древнія времена вытесаны изъ дерева, другія вылиты изъ мѣди, даже изъ золота. Многія изображаютъ людей, другія звѣрей и птицъ. Были идолы, занесенные сюда даже со временъ св. Владиміра, изъ земли Новгородской и Пермїи, при крещеніи ея въ XIV столѣтіи св. Стефаномъ. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: «Золотой мужикъ», вылитый изъ золота; онъ сидѣлъ въ чашѣ, въ которую наливали воды и пили ее съ вѣрою, что это отвращаетъ несчастіе. «Рача» — идолъ рачевскихъ юртъ. «Обскій старикъ», — божество рыбъ, съ безобразнымъ лицомъ и рогами, жестянымъ носомъ и стеклянными глазами. На него было надѣто нѣсколько остяцкихъ малицъ, а сверху кафтанъ изъ краснаго сукна. У ногъ его лежали лукъ со стрѣлами, копье и кольчуга. Онъ

ГОРОДЪ БЕРЕЗОВЪ.

нисходилъ въ водную бездну, имѣя власть отпускать столько рыбы, сколько кто этого заслуживалъ. «Большая баба» — деревянный идолъ, сидѣвшій на сѣдалищѣ, подъ древней березою, близъ деревни Вѣлозерской. «Главный идолъ», въ дремучей тайгѣ Пелымскаго края, увезенный туда въ 1712 году изъ остяцкой земли въ началѣ проповѣди Св. Евангелія остякамъ. «Елань» — Меркурій остяцкихъ боговъ, деревянный идолъ съ вырѣзаннымъ лицомъ, обернутый въ красное сукно и въ собачьей шапкѣ. Есть тоже у остяковъ домашніе боги, куртовые идолы, которыхъ они мажутъ рыбьимъ жиромъ, приговаривая «ѣшь, ѣшь». Остяки боготворятъ между прочимъ горы, камни, ручьи, большія деревья. Мѣсто около нихъ священно, тоже, что «табу» у островитянъ Южнаго океана. Тутъ не смѣютъ напиться воды, коснуться дерева, вырвать травы, чтобы не прогнѣвить божества. Приношеніе жертвъ (въ Березовскомъ округѣ) происходитъ такимъ образомъ: убиваютъ оленя стрѣлами, по знаву, данному шаманомъ. Затѣмъ всѣ присутствующіе ѣдятъ сырое мясо и пьютъ теплую кровь застрѣленнаго животнаго. Близъ Вѣлаго острова, на Ледовитомъ океанѣ, есть песчаная отмель, куда обдорскіе самоѣды и остяки съѣзжаются для отправленія идольскихъ обрядовъ. Для общенія съ водными божествами остяки — язычники купаются въ морѣ, бросаютъ въ волны кусокъ мѣди, или металлическія деньги, топятъ оленей.

Обрусѣвшіе остяки справляютъ русскіе праздники, а у язычниковъ-остяковъ сохранилось весьма немного своихъ празднествъ. Празднество «еленя» происходитъ у нихъ всегда ночью, съ предварительнымъ заелинаніемъ шамана, и сопровождается плясками.

Когда цѣлый родъ обращается за совѣтомъ къ богу, тогда необходимо шаманъ. Для убѣжденія толпы, что богъ дѣйствительно говоритъ устами своими, шаманъ навязываетъ тряпку на остріе палки, и когда она начинаетъ шевелиться, это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Такой обрядъ никогда не проис-

ходить безъ жертвы, состоящей изъ нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ заколетъ оленя, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всеми присутствующими, часть его идетъ шаману. О шаманахъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Присяга считается у остяковъ весьма важнымъ священнымъ дѣйствіемъ. Для приданія большаго торжества, во время произнесенія клятвы, кладутъ руку на голову медвѣдя и произносятъ слѣдующія слова: «Пускай сожретъ меня медвѣдь, если я клянусь ложно!»

Почти каждый остякъ имѣетъ два имени: остяцкое — выражающее что либо замѣченное при его рожденіи: летѣвшую птицу, камень, лѣсину; другое имя — русское. При самомъ рожденіи погружаютъ младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ грознаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ ними. По прошествіи мѣсяца, ребенка кормятъ уже стертою въ видѣ порошка вареною рыбою; чуть покажутся зубы — даютъ сырое оленье мясо и сырую рыбу.

Остяки переняли, какъ и многое другое, у татаръ обычай «калымъ», т. е. платы за невѣсту. Калымъ не вездѣ одинаковъ, смотря по мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Обдорскѣ за богатую дѣвушку даютъ отъ 50 до 100 оленей. У бѣдныхъ цѣна отъ 20 до 25 оленей. Остяки могутъ брать по нѣскольку женъ; но въ настоящее время многоженство встрѣчается все рѣже и рѣже по причинѣ значительности выкупа. Пока калымъ не весь уплаченъ, невѣста живетъ у отца, но женихъ можетъ пріѣзжать къ ней. Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ; желающій жениться, идетъ къ отцу дѣвушки и говоритъ: «Я хочу жениться на твоей дочери». Начинается торгъ. Затѣмъ, если сошлись въ цѣнѣ, женихъ идетъ къ невѣстѣ, которая сидитъ подъ покрываломъ, и приноситъ къ ней съ товарищами котелъ съ разными нарядами и уходитъ; невѣста отвѣдываетъ покрывало и пересматриваетъ дары, при чемъ, если находитъ ихъ недостаточными, выбрасываетъ все изъ котла и са-

дится по-прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками-свахами. Женихъ съ товарищами входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, допояняетъ, перемѣняетъ и снова приносить. Невѣста можетъ браковать подарки по вѣскольку разъ, женихъ снова все собираетъ и уноситъ къ себѣ для дополненія. Все это происходитъ молча съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ, когда подарки повравятся невѣстѣ, она, пересмотрѣвши ихъ, укладываетъ все въ порядкѣ въ котель и садится на свое прежнее мѣсто. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло ладится, остается въ томъ же чумѣ. Свахи снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ же женихъ съ невѣстою цѣлуются, бракъ считается совершившимся — женихъ увозитъ невѣсту къ себѣ. Что касается до церковнаго обряда брака, то онъ совершается гораздо позже, иногда даже черезъ два-три года послѣ вышеописаннаго. Пѣсенъ на свадьбахъ не поютъ, а кричатъ каждый все, что ему вздумается.

Остяки необыкновенно заботливо обращаются съ больными; такъ напримѣръ, если есть больной въ родѣ, вѣскольку семействъ не ходятъ на промыселъ, сидятъ возлѣ него, въ увѣренности, что отъ этого ему будетъ легче. Потомъ, когда время уйдетъ, работа не сдѣлается, и остякъ останется съ пустымъ варманомъ и голоднымъ желудкомъ, онъ всемъ рассказываетъ: «Вотъ тутъ мужикъ болѣлъ, ну все и сидѣлъ подлѣ». И на вопросъ — зачѣмъ такъ дѣлалъ, — онъ отвѣчаетъ: «Да какъ же, ушелъ всѣ — больной хуже, и пришель всѣ — и больной лучше».

Похоронные обряды совершаются такъ: тѣло покойника обертываютъ въ бересту, зарываютъ въ землю съ тою одеждою, въ которой умеръ, и съ охотничьими вещами покойника, — лукомъ, стрѣлами, ножомъ. Кромѣ того, въ могилу кладутъ все необходимое для ежедневнаго быта: топоръ, сѣти, рогъ съ табакомъ и проч. Нарту же, въ которой привезли покойника, оставляютъ на его могилѣ, а оленя закалываютъ. Иногда тутъ же хоронятъ и его собаку. Остяки пи-

таютъ большую привязанность къ собакамъ; при жизни крайне берегутъ ихъ. Собака — ихъ всегдашній спутникъ, они считаютъ ее своимъ лучшимъ другомъ; поэтому родные покойника, желая сдѣлать ему пріятное, зарываютъ рядомъ съ нимъ его вѣрнаго друга. При похоронахъ дозволяется плакать только женщинамъ, а мужчины обыкновенно говорятъ при этомъ: «Полно плакать, не реви, Богъ такъ дѣлаетъ». Остяки при похоронахъ царапаютъ себѣ лицо до крови, выдергиваютъ свои волосы и бросаютъ ихъ на умершаго, вѣруя, что душа его придетъ черезъ шесть недѣль узнать, какъ о ней сожальли живые. Жена, по смерти мужа, обтесавъ бревешко на подобіе человѣка, одѣваетъ его въ мужнину одежду, ставитъ на нарахъ на то мѣсто, на которомъ сидѣлъ покойникъ, подчуетъ его любимымъ кушавьемъ, ночью кладетъ спать съ собою и цѣлуетъ, думая что душа мужа видитъ всѣ ея ласки и угожденія. Эту куклу держать годъ, а иногда и болѣе; потомъ зарываютъ въ землю съ плачемъ и сожалѣніемъ, полагая, что по прошествіи этого срока тѣло уже сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось его безсмертіе. Трауръ для жены полагается годъ, а для дѣтей — три года.

Женщины у остяковъ не имѣютъ правъ на наслѣдство, но сыновья обязаны содержать мать и сестеръ, такъ какъ къ нимъ переходитъ во владѣніе все имущество послѣ смерти отца. Послѣ бездѣтныхъ и безродныхъ имущество умершаго переходитъ къ тому, кто его воспиталъ, или къ тому, кто съ нимъ вмѣстѣ жилъ.

Грамоты у остяковъ нѣтъ. Въ дѣлахъ же административныхъ они употребляютъ «тамгу», вѣроятно заимствованную ими у татаръ. Съ купцами рассчитываются «бирками», т. е. нарѣзами на палочкѣ. Эту палочку раскалываютъ пополамъ. Одна часть ея остается у купца, другая — у остяка. При расчетахъ на обдорской ярмаркѣ, обѣ половины складываются, и если нарѣзки пришлись къ нарѣзкамъ, — остякъ уплачиваетъ долгъ всегда исправно.

XLV. Б У Р Я Т Ы.

Между инородцами, обитающими въ Сибири, буряты, по многимъ даннымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они съ незапамятныхъ временъ населяютъ мѣстность кругомъ озера Байкала, преимущественно Иркутскую губернію и Забайкальскую область вплоть до китайской границы.

Что касается до происхожденія буряты, то безошибочно можно сказать, что они потомки монголовъ; это отчасти подтверждается и тождествомъ языка ихъ съ китайскими монголами, равно какъ и тождество образа жизни указываетъ на то, что два эти народа суть только вѣтви одного и того-же племени.

Численность бурятскаго населенія простирается до 190,000, которое занимаетъ всю страну отъ запада къ востоку на 1,000 верстъ. Буряты, живущіе къ западу отъ Байкала, болѣе или менѣе сблизилъ съ русскими, ведутъ болѣею частію осѣдлую жизнь. Буряты же, живущіе на востокъ отъ Байкала, напротивъ того, недовѣрчиво относятся къ русскимъ и ревностно стараются сохранить свою національность.

Буряты, подобно монголамъ, имѣютъ цвѣтъ кожи коричнево-бронзовый, лицо широкое и плоское, носъ небольшой и приплюснутый,

глаза у нихъ маленькіе, косо расположенные, болѣею частію черные, уши большія и далеко отстоятъ отъ головы; ротъ большой; борода рѣдкая; волосы на головѣ черные. Принадлежащіе къ духовному званію подстригаютъ волосы на передней части головы, а сзади носятъ косу, въ которую, для болѣею густоты, нерѣдко вплетаютъ конскіе волосы. Росту буряты средняго или малаго, но крѣпко сложены.

Характеръ буряты отличается скрытностью. Они обыкновенно миролюбивы и кротки, но злы и мстительны, когда ихъ оскорбятъ. По отношенію къ своимъ родичамъ, они сострадательны и никогда не откажутся помочь бѣдному. Несмотря на вѣшнюю грубость и неразвитость, между бурятами въ высшей степени развита любовь къ ближнему, честность и справедливость; и хотя это въ большинствѣ случаевъ ограничивается только предѣлами своей одноплусной семейно-родовой общины, но есть также между ними и такія личности, у которыхъ эти прекрасныя качества простираются на вѣсьхъ людей безъ исключенія, къ какой бы они націи ни принадлежали.

По образу жизни буряты дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Осѣдлыхъ буряты не болѣе 16-ти тысячъ. Они усвоили много русскихъ обычаевъ и мало отличаются отъ нихъ по образу жизни. Кочевники же живутъ иначе, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Что касается до общественнаго быта буряты, то они придерживаются и понынѣ первобытной родовой общины. По широкой степи оазисами разбросаны группы восьмиугольно-круглыхъ юртъ. Кругомъ — жердяныя загороди, а въ загородахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія, болѣею частію перенятая изъ русско-крестьянскаго домохозяйства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства.

Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ болѣею частію видъ круга. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе

юрть съ разными пристройками Въ одной изъ такихъ юрть живетъ старшій въ семьѣ бурятъ, старикъ со старухой, иногда съ какими-нибудь сиротами-сродственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юрть живетъ сынъ этого старика съ женою и съ дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди, по обѣ стороны юрты отца *). У всего этого единокровнаго, семейно-родоваго круга, пашни, повосы, утуги, скоть—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ; вообще при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе, рядомъ, вблизи въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юрть, напр., его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ,—и тутъ опять, въ одной общей загороди посрединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Дальше, въ болѣе отдаленныхъ загородахъ, живутъ болѣе отдаленные родственники и называемые уже «сосѣдями». Наконецъ, болѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ и повторяютъ ту же организацію, тотъ же строй улусной родовой общины.

Русскіе сибирскіе крестьяне говорятъ про бурятъ: «Да у братскихъ не по нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣляютъ всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, это бы ни случилось въ улусѣ». Иэто дѣйствительно такъ: если напр., въ какойнибудь юрть закалываютъ барана, готовятъ «жаренину», то буряты всѣхъ сосѣднихъ, одноулусныхъ юрть могутъ, не стѣсняясь, идти на жаренину, какъ на облую трапезу: хозяйка дѣлитъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жарь—по равнымъ частичкамъ.

*) Буряты часто уже строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ.

Надо отдать справедливость бурятамъ, что они гораздо болѣе способны къ организаціи рабочихъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ наши русскіе сибирскіе крестьяне. Но самое замѣчательное выраженіе артельного начала представляетъ такъ называемая *аба*—большая звѣропромышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ. *Аба*—это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя *аба* была въ 1870 году. Обыкновенно съ осени собираются буряты человекъ до 1,000—1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собою лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собою въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и все это складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ всѣ изъ одного и того-же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостою и судьей артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждого провизію, *отситъ ее на руку*, возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ точно-ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человекъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельного старшину. Передъ отправкою на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старика—главному общему артельному старостѣ и судѣе—по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще, вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаетъ а согласіемъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ.. Въ случаѣ

споровъ или, вообще, какого нибудь нарушенія артельного согласія судить ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры. Судъ происходитъ тогда когда сходятся все въ какомъ-нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чутъ кто изъ артели провинится въ чемъ нибудь, то, на собраніи всей артели, берутъ у виновнаго шапку, владутъ ее по серединѣ стойбища, и главный артельный староста или судья, старикъ, обращая глаза въ небо, кричить, взываетъ въ тэнгери-бурхану, заклиняетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ и, наконецъ, стрѣляетъ изъ лука, стрѣлою вверхъ, въ воздухъ надъ самою шапкою: если стрѣла упадетъ на шапку значитъ — обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто либо изъ артельщиковъ что нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непременно долженъ представить ее общему артельному старостѣ. Тотъ, опять на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ-ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь членъ артели выходитъ и получаетъ ее при всѣхъ. Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хоть даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для влады въ артельный уловъ. Наконецъ, все добытые звѣри между всеми артельщиками дѣлятся по-ровну, подъ контролемъ артельного суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская звѣропромышленная, облавная артель, называемая *абою*. Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты рассказываютъ о ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о священномъ учрежденіи предковъ.

Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ. Такъ, во всѣхъ улусныхъ общинахъ, безродные сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ собственнымъ жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами, безъ вся-

каго спросу, взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и сродичи, одноулусники, за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержатъ на свой счетъ.

У буряты никогда не существовало рабства; они и до сихъ поръ не нанимаютъ по рядѣ въ работники своихъ же буряты, особенно одноулусныхъ, однородныхъ, а нанимаютъ на сроки за условную плату русскихъ. А свои работники — безсемейные бѣдняки буряты — считаются не слугами, а равноправными членами семьи.

Во главѣ бурятскаго управленія стоитъ тайша, онъ же и начальникъ *степной думы* (въ родѣ нашего волостнаго правленія). Въ степной думѣ все начальствующія лица — старосты, старшины, десятники, сборщики податей и проч. — некрещеные буряты. Расходы на *сугланъ* (мирской сходъ) падаютъ на ясачныхъ, такъ называютъ врещенныхъ буряты.

Единственное богатство буряты составляетъ скотоводство. Стада состоятъ изъ коровъ, лошадей и овецъ (овцы почти все бѣлыя съ черными головами). Стада, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, пасутся по степи; только молодой скотъ во время суроваго времени года остается въ юртахъ вмѣстѣ съ хозяевами. Буряты почти не имѣютъ свиней и домашней птицы, для которыхъ необходимо было-бы заготовлять зимніе запасы.

Забайкальскіе буряты рѣдко занимаются земледѣліемъ; но если и имѣютъ небольшія поля, то орошаютъ ихъ искусственнымъ образомъ, отъ чего они большею частію получаютъ хорошіе урожаи, между тѣмъ какъ русскіе часто жалуются на неурожай вслѣдствіе засухи. Буряты же, по эту сторону Байкала, напротивъ того, много занимаются земледѣліемъ, которому они научились у русскихъ.

Главный промыселъ буряты — скотоводство; звѣроловный промыселъ у нихъ распространенъ менѣе чѣмъ, на примѣръ, у тунгусовъ.

Что касается до занятій, то они распределены между мужчинами

и женщинами такъ: мужчины присматриваютъ за пасущимся скотомъ, строятъ юрты и готовятъ хозяйственныя принадлежности—стрѣлы, луки, сѣдла и другія части конской сбруи. Они искусные кузнецы, сами отдѣлываютъ металлы въ маленькихъ ручныхъ печахъ и довольно щеголевато убираютъ ими конскую сбрую. Женщины занимаются приготовленіемъ войлоковъ, выдѣлываніемъ кожъ, плетеніемъ веревокъ изъ конскихъ волосъ, дѣлаютъ изъ жилъ нитки, кроютъ и шьютъ всевозможную одежду себѣ и мужьямъ своимъ и, какъ монголки, искусно вышиваютъ тонкіе узоры на одеждѣ и обуви.

Положеніе женщинъ у бурятъ—самое печальное: въ семьѣ она чисто рабочее животное, поэтому рѣдко встрѣчаются между ними здоровыя женщины. Сморщенное лицо, костлявыя руки, неловкая походка, тупое выраженіе глазъ и грязными плетями свѣшивающіяся косы—вотъ ея обыкновенный видъ. Женщина, по бурятски *изи*, взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ бурятской общинѣ рабомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Она все въ юртѣ дѣлаетъ—и коровъ или кобылъ доить, и дарусунъ, т. е. водку, гонить, и шубы и турсуки берестяные шьетъ, и войлоки вываливаетъ и проч. *Басаганъ* же, дѣвушка, не только не раба, но пользуется особенной любовью, почетомъ, подарками, воспѣвается въ пѣсняхъ, какъ подруга «налагаира хубунъ»—хорошихъ парней.

Жилища большей части забайкальскихъ бурятъ состоятъ изъ войлочныхъ юртъ. Онѣ бываютъ отъ 15 до 25 футовъ (отъ 6½ до 11 арш.) въ поперечникѣ и чаще всего имѣютъ форму островерхую. Эти юрты дѣлаются изъ жердей, воткнутыхъ въ землю, оконечности которыхъ вверху сходятся; самыя же жерди обтянуты большою частію внутри нѣсколькими рядами войлока. Наверху находится отверстіе для дыма, которое можетъ быть закрыто крышкою; входъ въ юрту, представляющій низкую, часто деревянную дверь, всегда обращенъ къ югу. Полъ этого жилища составляетъ очищенная отъ

травы земля, на которой стоитъ юрта; по срединѣ ея подъ отверстіемъ, сдѣланнымъ вверху, находится очагъ, обыкновенно состоящій изъ четырехугольнаго деревяннаго ящика, выложеннаго внутри глиною. По стѣнамъ идетъ возвышеніе, на которомъ спятъ обитатели юрты и стоятъ различныя хозяйственныя принадлежности, сундуки и шкафы, служащіе для храненія одежды, украшеній и проч., тутъ же всегда находится небольшой жертвенный столикъ, на который ставятъ изображеніе боговъ, жертвенные сосуды, благовонныя свѣчи.

Нынѣ большая часть бурятъ, оба пола, начали носить для нижняго бѣлья мужской крестьянскій костюмъ, т. е. рубаху и штаны русскаго покроя, у женщинъ всегда изъ синей *дабы*; а сверхъ этихъ атрибутовъ надѣвается національный костюмъ: иногда мужчины, поверхъ лѣтней или зимней одежды, надѣваютъ *курму* (родъ кофты съ рукавами); моду эту они заимствовали отъ китайцевъ. Нѣкоторые буряты носятъ суконныя шинели (синія или черныя), съ коротенькимъ краганомъ и съ разрѣзомъ назади для удобства при верховой ѣздѣ; покрой дыгила и шубы ламъ (духовныхъ лицъ) отъ простыхъ бурятъ отличается тѣмъ, что у первыхъ они походятъ на обыкновенный халатъ съ открытымъ воротомъ; у прочихъ же бурятъ на груди нашиты узкія полосы чернаго, краснаго или синяго сукна или плиса, въ нѣсколько рядовъ вдоль и поперегъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ; нашивка эта, по формѣ, напоминаетъ чертежъ какаго нибудь варниза. Верхняя одежда стягивается въ талии кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и трютомъ, и кисеть для табаку. Буряты никогда не разлучаются съ маленькой металлической трубкою, называемой ганзою. Шапка или шляпа у нихъ часто украшена красной кистью, сдѣланной изъ шелку, крашенныхъ конскихъ волосъ или изъ перьевъ. Шапки эти у богатыхъ бурятъ имѣютъ круглую форму, въ подражаніе китайскимъ. Мужчины головы брѣютъ, но не часто, оставляя на вер-

ГОРОДЪ ТОВОЛЬСКЪ.

хушкѣ хохоль, который заплетаютъ косою. Ламы же брѣютъ всѣ волосы. Въ конецъ косы, для красоты, вплетаютъ шелковую или бумажную кисть. Впрочемъ, ношеніе косы не составляетъ религіознаго догмата, а обычай.—Крещенные буряты стараются по возможности подражать въ востюмѣ русскимъ, за что ихъ и величаютъ—*харамангутъ*, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ «черный лѣшій», такъ какъ словомъ *мангутъ* (лѣсной чортъ) буряты втихомолку называютъ русскихъ.

Женская одежда много похожа на мужскую, но только болѣе украшена. Такъ напр. кафтанъ у женщинъ часто имѣетъ цвѣтную оторочку, а на спинѣ вставки краснаго цвѣта. Чѣмъ богаче бурятка, тѣмъ болѣе на немъ маржанъ въ серебряной оправѣ (красныхъ корольковъ изъ коралла), серебряныхъ привѣсъ замысловатой формы и даже серебряныхъ монетъ. Женщины отпускаютъ себѣ волосы какъ можно длиннѣе:—это считается у нихъ красотою; если волосы рѣдки, то женщины прибавляютъ къ нимъ фальшивые локоны, часто сдѣланные изъ конскихъ волосъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ толстыя косы, которыя висятъ по сторонамъ головы и часто бываютъ соединены одна съ другою металлическими кольцами; самыя косы спрятаны бываютъ въ чахлахъ изъ чернаго бархата, съ украшеніями изъ малахита, коралла, перламутра, серебра, латуни, раковинъ и проч. Кромѣ того, для наряда употребляются серьги, часто весьма большія и тяжелыя, ожерелья и перстни. На головѣ женщины носятъ уборъ, въ родѣ обруча съ маржанами, а бѣдныя—съ витайскими корольками, приготовленными изъ какой-то мягкой массы, подъ цвѣтъ коралла, въ посеребренной или даже желѣзной оправѣ; уборъ этотъ очень рѣдко снимается съ головы.—Костюмъ дѣвушки отличается тѣмъ, что она не носитъ *уджи* (безрукавой курмы) и головнаго убора, которые составляютъ принадлежность костюма замужнихъ женщинъ. Общая принадлежность костюма какъ женщины, такъ и дѣвушки,—красная лента черезъ плечо, вершка

въ 2 или 2½ шириною, завязанная у пояса бантомъ и съ опущенными концами. Она надѣвается черезъ лѣвое плечо. Къ щегольству же должно отнести ручныя кольца, всегда серебряныя и притомъ массивныя; у нѣкоторыхъ на обѣихъ рукахъ можно насчитать съ полдесятокъ широкихъ, часто съ вырѣзанными печатами колець. Дѣвушки убираютъ голову иначе, чѣмъ замужнія женщины. Онѣ заплетаютъ волосы въ множество косъ, часто до 20, которыя откидываются назадъ и доходятъ перѣдко до икръ; сверхъ того косы эти украшаютъ онѣ кораллами, серебряными монетами, мѣдными и свинцовыми пластинками, шелковыми кисточками и проч.—Женщины также, какъ и мужчины, курятъ табакъ и на поясѣ всегда имѣютъ трубку, кисетъ и приборъ для добыванія огня.

Пища бурятъ обусловливается ихъ кочевой жизнью. Она состоитъ изъ мяса всякаго рода, преимущественно же изъ жирной баранины, которую жарятъ на рожнахъ; молока въ разныхъ видахъ, кирпичнаго чая съ молокомъ или *затураномъ* *), *сараны* **)—это главная ихъ пища, а затѣмъ уже хлѣбъ. Соли буряты употребляютъ очень мало, большею частію только прибавляютъ ее для вкуса въ чай. Кромѣ соли, въ чай прибавляютъ *уджиру*, отчего чай, по ихъ мнѣнію, дѣлается *мяче*, вкуснѣе. Самоваръ—это уже роскошь, а всегда варятъ чай на своемъ очагѣ, въ чугунной чашѣ. Въ этой же чашѣ варятъ всякую пищу. Посуду не чистятъ, а такъ слегка обтираютъ какой нибудь грязной тряпкою. Вилочекъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ руками. Коровъ бьютъ для мяса, перерѣзывая имъ горло; барана же колятъ такъ: зажавши ему ротъ, чтобы не кричалъ, кладутъ его на спину и держатъ; затѣмъ одинъ изъ бурятъ постепенно разрѣзаетъ ему вдоль животъ. Сдѣлавши достаточное отверстіе, про-

*) Мука, поджаренная на бараньемъ салѣ или маслѣ.

**) Луковица полевой лиліи: копаются она раннею весною и осенью; тогда она бываетъ очень сладкая; кромѣ того, осенью же, вынимается она изъ мышиныхъ гнѣздъ: мыши запасаютъ ее на зиму.

совнають руку и сжимають сердце. Кровь собирають въ сосуды и употребляютъ ее въ пищу подь названіемъ «шекши». У каждаго бурята и бурятки непремѣнно на поясѣ, вмѣстѣ съ *канзою* *), огнивомъ, табачнымъ кисетомъ, виситъ ножъ. Этимъ ножомъ буряты взявши кусокъ мяса въ зубы и придерживая его лѣвою рукою, правою ловко отрѣзають подлѣ самой губы, снизу вверхъ. Надо удивляться ловкости и проворству, съ какими они дѣйствуютъ этимъ ножомъ, не отрѣзая вмѣстѣ съ мясомъ ни губы, ни носа.

Табакъ буряты всё—мужчины и женщины и даже пятилѣтнія дѣти изъ мѣдной ганзы.

Первоначальная религія буряты *шаманизмъ*, т. е. вѣрованіе въ духовъ, называемыхъ *онгонами*; онгоны, по понятію буряты, владычествуютъ надъ стихіями, горами, рѣками и проч., и покровительствуютъ человѣку. Буряты-шаманисты вѣрятъ, что шаманы достигаютъ вѣдѣнія тайнъ онгоновъ и могутъ предсказать судьбу каждаго человѣка. Въ концѣ XVII столѣт. забайкальскіе буряты приняли буддизмъ; часть же буряты, живущая по сю сторону Байкала, осталась вѣрною шаманизму. Слѣдовательно, по вѣроисповѣданію буряты дѣлятся на ламайтовъ, или, что тоже, буддистовъ, и шаманистовъ. Первые имѣютъ особое жреческое сословіе — ламы; а послѣдніе не имѣютъ его, т. е. въ смыслѣ особой организованной касты. Ламы отличаются нѣкоторымъ образованіемъ: они обязаны знать въ совершенствѣ разныя ученія сочиненія, кромѣ того отъ нихъ требуется практическое и теоретическое знаніе медицины. Каждый лама долженъ знать тибетскій языкъ, который считается священнымъ нарѣчіемъ, ибо всё священныя книги, хотя бы и писанныя на монгольскомъ языкѣ, переведены съ тибетскихъ. Ламамъ воспрещено вступать въ бракъ. Они имѣютъ гро-

*) Небольшая мѣдная трубка, преимущественно изъ желтой мѣди иногда влитая вмѣстѣ съ чубукомъ, т. е. цѣльная.

мадное вліяніе на свою паству и, пользуясь этимъ, нерѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируютъ бѣдныхъ буряты и не мало препятствуютъ сближенію ихъ съ русскими.

Кромѣ своихъ языческихъ праздниковъ, буряты празднуютъ день св. чудотворца Николая съ неменьшею торжественностью, потому что глубоко почитаютъ этого угодника. У забайкальскихъ жителей сильно распространено чествованіе св. Николая, равно какъ и св. Инокентія, иркутскаго чудотворца. Особенно чтутъ буряты св. Николая въ дни памяти этого угодника 6 декабря и 9 мая. 9-го мая, разряженные пестро и роскошно, старые и малые, мужчины верхомъ на лошадяхъ, буряты несутся къ православному храму поклониться своему обожжаемому «Михолѣ» (они иначе не могутъ произнести имя Николай). При входѣ въ храмъ, буряты идутъ къ продавцу свѣчей, и, набравъ ихъ столько, сколько можетъ помѣститься въ рукѣ, отправляются къ празднуемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на чело ладонями, читаютъ обыкновенно—«омъ—манибау—мехомъ», что значитъ «Господи, помилуй»—съ обращеніемъ «хутухту Михола»—(святый Николай); за тѣмъ они наперерывъ спѣшаютъ къ под-свѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи. Затѣмъ опять читается та же молитва съ учащенными поклонами. Этого мало: нѣкоторые достаточные буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряныя монеты, каковыми жертвами стараются низвести благословеніе святителя на себя и на свой скотъ, который составляетъ главный предметъ заботъ ихъ, такъ какъ въ немъ заключается все ихъ богатство.

Послѣ праздничнаго богослуженія начинается гулянье, во время котораго горѣлка льется рѣкою. Буряты чуть ли не съ молокомъ матери всасываютъ страсть къ водкѣ и готовы пить ее во всякое время, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, они считаютъ даже какъ бы грѣшнымъ для себя не выпить лишней чашки *аракки*. Буряты не пьютъ изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ

Б У Р Я Т А .

Т У Н Г У З Ы .

(аяга), вывозимыхъ изъ Китая, которыя по формѣ своей похожи на наши блюда. Въ такой чашкѣ можетъ вмѣститься отъ 3 до 5 нашихъ рюмокъ; чашка бурята осушается всегда залпомъ въ два приема. Тостовъ у нихъ не бываетъ; простое «мэнду» (здравствуй, будь здоровъ) произносится передъ питьемъ каждой чашки араки. Если праздникъ бываетъ у русскихъ, то визитъ дѣлается бурятомъ и наоборотъ. Но такъ какъ св. Николай чествуется какъ русскими, такъ и бурятами, то празднество въ честь этого святаго бываетъ общее. Что касается до питья водки, то русскій валится съ четырехъ чашекъ, а бурятъ, истребившій водки вдвое болѣе, — никогда, и какъ бы онъ ни былъ пьянъ, ему лиха-бѣда дотащиться до своей лошади, на которой онъ, безстрашно качаясь изъ стороны въ сторону, но не теряя равновѣсія, несется къ своимъ юртамъ. Дома объявляется женѣ о прибытіи гостей, начинаются приготовления — и черезъ нѣсколько часовъ въ юртѣ идетъ пиръ на славу. Такъ встрѣчается и провожается праздникъ св. Николая забайкальскими монголо-бурятами-ламаитами.

При рожденіи ребенка въ бурятской семьѣ, соблюдаются слѣдующіе обряды: родитель, приглашая къ себѣ ламу, проситъ его сдѣлаться *найджіемъ*, т. е. духовнымъ наставникомъ новорожденного младенца. Лама, разсмотрѣвъ астрономическія буддійскія книги, говоритъ напр.: «сынъ родился въ лѣто древеснаго коня, имѣющаго 4-й зеленый родимый знакъ мынгэ» *). Потомъ назначаетъ ему имя, и со дня рожденія его, въ продолженіи одного года читаетъ разныя книги, между прочимъ Банзарагца, чтобы быть новорожденному долголѣтнимъ и добродѣтельнымъ.

Буряты допускаютъ многоженство, но этимъ пользуются только зажиточные. Вторая жена должна во всемъ повиноваться первой

*) Мынгэ — девять знаковъ, означающихъ качества лѣтъ и дней въ буддійскихъ календаряхъ.

женѣ, какъ матери, и этимъ самымъ не нарушается миръ домашняго очага. Часто буряты высватываютъ невѣсту своимъ сыновьямъ, когда тѣ находятся еще въ малолѣтствѣ, а это впоследствии ведетъ къ ссорамъ и разводамъ. Женившійся обязанъ выплатить отцу невѣсты — *калымъ* преимущественно скотомъ. Плата эта, смотря по званію и состоянію родителей невѣсты, бываетъ иногда очень велика и уплачивается нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ развода, калымъ возвращается, и это служитъ поводомъ къ нескончаемымъ тяжбамъ. Случается и такъ, что воруютъ замужнихъ женщинъ, конечно съ ихъ согласія, — и тогда новая тяжба. Кривой мести нѣтъ у бурятовъ, и все можетъ кончиться сдѣлкою, если только обѣ стороны сойдутся въ условіяхъ.

Ламы, какъ мы уже говорили выше, занимаются, помимо своей духовной обязанности, леченіемъ тѣлесныхъ недуговъ; иногда къ ихъ помощи прибѣгаютъ и русскіе. Будучи знакомы съ народной медициною, они иногда лечатъ удачно, но не задумываются также и въ случаѣ неудачнаго леченія; тогда они прибѣгаютъ ко всевозможному шарлатанству: и къ отчитыванію, и къ нашептыванію, и къ разнаго рода заклинаніямъ. Чѣмъ богаче больной, тѣмъ больше усердствуютъ ламы въ шарлатанствѣ. Но когда, не смотря ни на какія ихъ штуки, для страждущаго наступаетъ послѣдній конецъ его жизни, ламы оставляютъ бездушный трупъ и передаютъ его попеченію родныхъ. Тѣло покойника обертываютъ вускомъ дабы, а лицо закрываютъ хадакомъ, согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ уснувшаго. Потомъ сваливаютъ трупъ въ уголъ юрты и набрасываютъ сверху тулупъ, а передъ бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ для погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ, т. е. бросить ли его въ воду или въ лѣсъ, сжечь ли его, или просто,

закопать въ землю. Послѣ того лама, со всею своею прислугою, идетъ на кладбище, чтобы назначить мѣсто для могилы. Кладбища бурятъ бывають большею частію по близости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности. Маленькихъ же дѣтей хоронять иногда подлѣ юрты; значительныхъ бурятъ вообще и ламъ—въ особенности на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ. Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепель въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы.

По прибытіи ламы на кладбище, онъ отыскиваетъ то мѣсто, на которомъ, по указаніямъ священныхъ книгъ, должна быть вырыта могила для усопшаго. Тогда съ особенными молитвами онъ беретъ конецъ шнура, привязаннаго за голову лягушки, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ оронго, а третій углубляетъ черту остриемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа, иглы и проч., и каждымъ изъ нихъ ковыряетъ землю внутри обозначенной черты. Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ, такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ; это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы тѣло покойнаго съѣли дикіе звѣри или хищныя птицы, иначе мертвецъ встаетъ и будетъ тревожить родныхъ, являясь ночью въ ихъ юрты. Ламы, по возвращеніи съ кладбища, усаживаются въ юртѣ покойнаго и возобновляютъ безконечный гурумъ (т. е. молебствіе), который продолжается до той минуты, когда вынесутъ тѣло покойнаго на кладбище, что иногда тянется до семи дней. И тогда какъ одни пьютъ, пьютъ и ѣдятъ безъ усталы, другіе готовятъ необходи-

мая принадлежности для могилы. Изъ нихъ главныя—это лоскуты разноцвѣтныхъ матерій; эти лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конскаго волоса, натянутымъ между длинныхъ кольевъ, вбитыхъ кругомъ могилы. За могилу богатнй бурятъ платитъ 81 барана; человекъ средняго состоянія 21, даже самый бѣдный не получаетъ могилы даромъ. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей справляются они въ теченіи 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза:—въ 3, 7 и 49 день. При томъ поставляется за правило, чтобы первая жертва принесена была за три шага отъ юрты, вторая за шесть и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сожигается. Остальными частями пользуются ламы. Сверхъ того они получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за все труды при поминкахъ. Сколь ни тяжки условія, но семейство покойнаго бываетъ радо, если только этимъ отдѣляется.

По совершеніи религіознаго обряда, родные дѣлають пиръ и угощаютъ пріѣзжихъ гостей.

Надъ могилою умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный срубъ). Памятникъ этотъ окрашиваютъ краскою и вѣрѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обвѣшиваютъ кругомъ разноцвѣтными лоскутками и ленточками и шелковыми или бумажными лоскутами, съ написанными на нихъ молитвами, для упокоенія души умершаго. Украшеніе памятника зависитъ отъ состоянія. За погребеніе ламамъ даютъ, смотря по состоянію,—богатые отдають шубу покойника, лошадь, до 10 головъ разнаго скота, также даютъ и деньгами. Бѣдные даютъ—кто что можетъ. Родные поминаютъ умершаго ежегодно въ полнолуніи бѣлаго мѣсяца (на полнолуніе каждаго мѣсяца у

ламаитовъ бываетъ полное служеніе по ихъ вѣрѣ) и дѣлаютъ поминки по покойнымъ.

Нерѣдко ламы - тайновидцы, руководимые священными книгами, объявляютъ родственникамъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то недовольна, направила полетъ свой на чужую сторону и тамъ ищетъ сближенія съ душою избраннаго ею человѣка, или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи начинаются новыя жертвоприношенія, новые искупы, новые обѣты и гурумы, пожирающіе все добытое тяжелымъ трудомъ имущество кочевника-бурята.

Остается сказать нѣсколько словъ о забавахъ буряты. Буряты страстные охотники до картежной игры; иногда они совершенно разоряются, благодаря этой страсти. Играютъ они въ три листка и въ монгольскіе дурачки. За неимѣніемъ картъ, прибѣгаютъ къ старинной національной игрѣ въ *шагайки* (бараньи лодышки). Кости эти, взявъ въ руку, бросаютъ на полъ и, по расположенію ихъ, заключаютъ, по принятому въ игрѣ условію, о выигрышѣ или проигрышѣ.

Въ улусахъ, въ лѣтнее время, особенно во время праздниковъ, устраивается борьба, лошадиные бѣги, стрѣльба изъ лука. Знать бурятская сидитъ на войлокахъ, поджавши ноги и попивая *араки*, а охотники стараются передъ ними отличиться. Отличившимся выдается небольшая награда въ видѣ бумажнаго платка, полукирпича чаю, цѣлковый и проч. Но тутъ болѣе всего дѣйствуетъ самолюбіе и гордость побѣдителя, на котораго обращаются взоры степныхъ красавицъ, передъ которыми онъ рисуется по своему. Для борьбы бойцы выходятъ совершенно нагими. Бойцы, какъ пѣтухи, косятся другъ на друга, подходятъ медленно, потирая руки землю, которую время отъ времени схватываютъ съ полу, и затѣмъ, улучивъ минуту, когда противникъ проглазѣетъ, кидаются на него, схватываются

съ нимъ и стараются неожиданно сбить его съ ногъ сразу. Но если противники равносильны, то борьба продолжается очень долго. Потъ льетъ градомъ, кости хрустятъ, жилы напрягаются и наконецъ обезсиленный, запыхавшійся борецъ въ изнеможеніи падаетъ, — и противникъ, вставая съ него, торжественно окидываетъ взоромъ собраніе и медленно идетъ къ своей одеждѣ. Ему подносятъ араки и подзываютъ къ себѣ старіеи, чтобы похвалить, а иногда дать небольшой подарокъ. Противникъ, при общемъ смѣхѣ, исчезаетъ съ арены, но все-таки остается на празднествѣ. Даровое араки приманиваетъ охотниковъ изъ дальнихъ улусовъ. Сюда же являются пѣвцы, и монотоннымъ голосомъ поютъ свои импровизаціи, восхваляя силу борцовъ, степныхъ красавицъ, быстрыхъ коней и проч. Иногда поются пѣсни, переходящія устно изъ рода въ родъ.

XLVI. ЯКУТЫ.

На дальнемъ востокѣ Сибири живутъ якуты, занимающіе пространство по Ленѣ и ея притокамъ, и къ востоку отъ Лены по Алдану и Колымѣ. Далѣе якуты встрѣчаются небольшими улусами у Удскаго Острога, Охотскаго порта и сѣверныхъ притоковъ Охотскаго моря. На крайнемъ сѣверѣ границы якутъ доходятъ до устья рѣкъ Яны, Индигирки и Колымы.

Область, которой Якутскъ служитъ главнымъ административнымъ центромъ, имѣетъ 71,358 квадратныхъ миль, или 3,452,656 квадратныхъ верстъ. На такое громадное пространство Якутской области приходится всего 221,977 душъ населенія, изъ числа которыхъ 111,198 мужскаго пола, 112,779 женскаго. Жители области состоятъ изъ русскихъ и якутовъ.

Якуты представляютъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ. Въ Якутскѣ несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники — якуты; всѣ няньки — якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якутѣ. Даже тунгузы и ихъ жены, живущіе въ пустынѣ между Якутскомъ

и Охотскомъ, говорятъ весьма чисто по якутски. По русски же многіе якуты весьма плохо понимаютъ.

Якуты, занимающіе большую часть Якутской области, не суть первобытные обитатели этой страны; они пришельцы съ юга. Всѣ согласны въ томъ, что якуты татарскаго происхожденія, но никто исторически не доказалъ, какіе татары и когда переселились на берега рѣки Лены: судя по тому, что они далеко распространились по области и размножились, можно только съ достовѣрностію полагать, что они живутъ здѣсь давно.

Якуты вообще небольшого роста, съ калмыцкимъ типомъ лица. Глаза у нихъ большею частію черныя или темнокаріе, малыя и узкіе; носы у нихъ частію искривленные, а большею частію широкіе и сплюснутые; волосы черныя какъ смоль, жесткіе и щетиныстыя. Ростомъ они довольно высоки. Мужчины всѣ ходятъ остриженные, съ небольшими косами на затылкахъ, и голобородые; они въ молодые годы выдергиваютъ изъ бороды волосы щипцами. Женщины обыкновенно отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, малымъ ростомъ, менѣе грубыми чертами и широкими лицами.

Якуты народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство его заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ якутамъ почти все необходимое для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ въ безконечныхъ лѣсахъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ русскимъ, заохотили и пристрастили якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества приученные къ лишеніямъ всякаго рода и въ нихъ закаленные, якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, оны кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

У якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: лѣтомъ уросы*), родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей, обтяну, тыхъ берестю; въ нихъ вочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ какъ хозяева стада запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна; съ наступленіемъ зимы переходятъ якуты въ свои теплыя юрты. Это родъ хижинъ изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрѣзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна и имѣющей разнѣобразно съ потребностями въ ней помѣщающихся. Въ такихъ жилищахъ она замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими квадратными отверстіями, въ которыя зимою вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбы пузыри, а иногда пропитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ глиняный полъ опускается внизъ обыкновенно на два или на три фута и плотно убивается, у богатыхъ—поднимается и выстилается досками. Дверь дѣлается по срединѣ и всегда къ востоку. Вдоль стѣнъ устраиваютъ изъ лежачихъ шестовъ широкія лавки, похожія на низкія полаты, которыя вмѣстѣ служатъ и кроватями, и, по числу жильцовъ, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгароживаются слегка на нѣсколько отдѣленій.

По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится *чуваль*, родъ очага или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варки пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуетъ безпорядокъ и величайшая неопрятность. Въ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ, сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь.

*) На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими листьями, размягчаютъ ее посредствомъ варки и спиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлыя, а внутри желтыя, уросы представляютъ видъ весьма красивый и издали угодобляются исполненнымъ холстиннымъ шатромъ.

тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ подъ крышею и кормятся сѣномъ а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей. Лошади-же остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальнихъ поѣздовъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкѣрвленія.

Хотя устройство якутскихъ жилищъ крайне несовершенно, однакожь они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое-гдѣ русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни древесные стволы. Равномѣрно и чуваль, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что, вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ якута относительно удобства жизни, такъ что онъ спокойно проводитъ продолжительную ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорѣлымъ жиромъ, хорошо уваренную сосновую размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса. День заключаетъ нерѣдко какойнибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольяхъ, совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ пред-

пріятіяхъ, — иногда даже для превращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Жилища якутовъ разбросаны одно отъ другаго на весьма большія разстоянія.

Послѣ долгаго странствованія въ якутскихъ селеніяхъ, путешественники возвращаются домой съ тяжелымъ запахомъ, которымъ не только одежда, но и сами они сильно пропитываются въ туземныхъ юртахъ, гдѣ рядомъ съ хозяевами, за перегородкою, всегда помѣщается зимою всякій домашній скотъ. Отъ тяжелаго запаха якутскихъ юртъ можно освободиться не иначе какъ послѣ неоднократнаго провѣтрянья и паренья въ русской банѣ. Съ такимъ же запахомъ бывають почти всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя въ городъ изъ якутскихъ селеній. Не говоря уже о мягкой рухляди, запахъ этотъ крѣпко пристаётъ къ деревянной посудѣ и косянымъ издѣліямъ якутовъ.

Всѣ якуты, какъ мужчины, такъ и женщины, какъ князьки, такъ и простолюдины, и зимою, и лѣтомъ ходять въ однихъ и тѣхъ же національныхъ охабняхъ, застегиваемыхъ въ одинъ рядъ, а иногда и въ два ряда гладкими мѣдными пуговицами, въ одинаковыхъ мѣховыхъ шапкахъ — *чабаканъ* — съ широкими на затылкахъ и на ушахъ отводами, въ кожаныхъ узкихъ штанахъ (*сутуры*), и въ такой же обуви, называемой *торбасами*. Князьки отличаются отъ прочихъ богатымъ, суконнымъ, а иногда и бархатнымъ костюмомъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканенными на немъ фигурами. На шею надѣвають галстуки изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы, по большей части изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ; у нихъ близъ ладони дѣлается прорѣха, въ которую, не снимая рукавицы, высовываютъ руку, если нужно что нибудь сдѣлать на морозѣ голою рукою. Нижнее платье дѣлается изъ замши, чрезвычайно короткое, гораздо выше колѣнъ; къ нему надѣвають такъ называемыя *сутуры*, простирающіяся до патакъ и привязываемыя ремнями къ исподнему платью,

на которомъ для того дѣлаются кольца. На голыя ноги надѣвають заячьи головки, а сверху торбасы изъ оленьихъ или лошадиныхъ лапъ. Подъ колѣномъ и выше лодыжки они перевязываются ремнями.

Одежда женская во всемъ походитъ на мужскую, только шуба или кафтанъ подлиннѣе; въ ушахъ носятъ онѣ преогромныя серебряныя или мѣдныя серьги, которыя въ продолженіи времени нерѣдко разрѣзываютъ ухо. На шею надѣвають серебряное ожерелье шириною въ палецъ, на руки — зарукавья. Во время праздниковъ, на голову подъ шапку надѣвають повязку, отъ которой идутъ по спинѣ два широкіе ремня, покрытые серебряными чеканенными пластинками. Таковыя же ремни нерѣдко висятъ и спереди. Шапка такая же какъ у мужчинъ, но съ тѣмъ различіемъ, что верхъ ея бываетъ вышитъ серебромъ. Шапокъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ не снимають, а встрѣтившись другъ съ другомъ, говорятъ: *капсѣ*, т. е. рассказывай.

Вмѣсто серебряныхъ поясовъ, многіе мужчины и женщины носятъ широкіе шелковые кушаки. Торбасы (сапоги) у всѣхъ бывають обшиты ремнями, а у богатыхъ, кромѣ ремней, украшаются около колѣнъ серебряными узорами съ бисеромъ.

Праздничныя охабни или темно-зеленаго, или синяго цвѣта, у многихъ подбиты мѣхами, и всегда съ красными суконными прошвами на полахъ и подолахъ, на рукавахъ и воротникахъ; а у бѣдныхъ охабни изъ толстаго бѣлаго сукна съ красными же, или большею частію съ черными плисовыми прошвами. Длинною охабни всегда нѣсколько ниже колѣнъ, рукава у плечъ очень широкіе, а пониже умеренные. Задъ всегда бываетъ съ прорѣзомъ, обшитымъ также красными или черными полосами; прорѣзъ обыкновенно дѣлается съ подола до самаго пояса, или кушака, чтобы удобнѣе ѣздить верхомъ, ибо верховая ѣзда въ быту якутскомъ необходима какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Зимою, сверхъ шубы и зипуна, надѣвають якуты еще другую шубу, шерстью вверхъ, называемую *санаякъ*. Эта шуба дѣлается по

большей части изъ шкуръ тарбагана (сурка). Якутскія женщины сами шьютъ всё принадлежности одежды, и для себя, и для мужей, и для дѣтей. Нитки при этомъ употребляютъ иногда обыкновенныя, а большею частію сдѣланныя изъ скотскихъ жилъ. Всегдашнее рабочее платье у бѣдныхъ якутовъ изъ коровьихъ и телячьихъ кожъ.

Пища якутовъ состоитъ изъ кобыльаго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неуиѣренное пресыщеніе имъ — высочайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топлёный, свѣжій и испортившійся. Видя все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жад-

ЖЕНЩИНА ЯКУТКА.

ностью. Чтобы увеличить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, они берутъ внутреннюю часть сосновой коры, а еще чаще листвяничной, оскабливаютъ ее, толкутъ мелко, мѣшаютъ съ рыбою, мукою, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на розмашню, и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготавливается у нихъ такъ называемое якутское масло, родъ сыра или творогу, на вкусъ кисловатого, не очень жирнаго и состояющаго, даже безъ хлѣба, довольно вкусную пищу.

Высшее благо и высочайшее наслажденіе почитаетъ якутъ въ ѣдѣ жирную говядину и топлёное масло предпочитаютъ всему. Въ разговорахъ между собою нерѣдко вспоминаютъ о томъ, когда и гдѣ ѣли жирную говядину. Ыдятъ и съ радости, и съ печали; больной на смертномъ одрѣ не откажется отъ жирнаго куса.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда проходитъ Лена, якуты идутъ на острова и тамъ бьютъ и ѣдятъ кротовъ, выгнанныхъ водою изъ норъ и спасающихся на деревьяхъ. Случилось однажды, что весь островъ потопило водою; якуты забрались на юрту, развели огонь и начали ѣсть кротовъ; между тѣмъ наплыла большая льдина, спихнувшая юрту съ мѣста: якуты вскочили на льдину, забравъ кротовъ. Тридцать верстъ несло ихъ по рѣкѣ, пока льдина не пристала къ берегу; во все время они ѣли кротовъ, и послѣ друзьямъ своимъ о томъ рассказывали, какимъ блаженствомъ наслаждались они и въ какомъ страхѣ были въ одно и то же время.

Мясо составляетъ главнѣйшую пищу ихъ, и чѣмъ оно жирнѣе, тѣмъ лучше; потомъ молоко, въ разныхъ измѣненіяхъ. Если отелится корова или кобыла, то у мокраго еще дѣтенка вырѣзываютъ изъ подъ копыта хрящикъ и съѣдаютъ его сырымъ; это считается величайшимъ лакомствомъ. Вообще якуты славятся обжорствомъ: самаго тощаго якута въ двѣ недѣли можно откормить какъ лошадь.

Якуты ѣдятъ часто полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое мясо. Какъ мясо, такъ и рыбу они употребляютъ большею частію безъ соли и всегда безъ хлѣба. Самое любимое ихъ кушанье составляетъ ковина. Многіе якуты, не бывавшіе въ Якутскѣ, хлѣба вовсе не знаютъ; а если и случается имъ покупать печеный хлѣбъ, то употребляютъ его вмѣсто лакомства, бережливо и немного. Какъ печеный хлѣбъ, такъ и муку якуты называютъ однимъ именемъ: *бурдукъ*. Бѣдные употребляютъ большею частію кислое молоко съ брусникою, также звѣриное мясо и кровь закалываемыхъ животныхъ.

Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается прогорклый жиръ, и неумѣренное употребленіе его якутъ считаетъ за высшее блаженство, которое вообще онъ находитъ только въ ѣдѣ. Одинъ путешественникъ, Симпсонъ, призвалъ къ себѣ въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла. Каждому дали по пуду мяса,

а масло велѣли пить или ѣсть ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ; послѣдній вначалѣ одолѣвалъ своего товарища. «У него зубы хороши, сказалъ старикъ, но съ помощью святыхъ (и онъ перекрестился) я его скоро догоню».

Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ своихъ гостей подъ надзоромъ секретаря. Когда же онъ чрезъ два часа возвратился, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за обильный обѣдъ.

Послѣ такого турнира, бойцы, какъ змѣи, три или четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли, и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

При каждой свадьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаютъ женихъ, другаго невѣста — и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе.

Всѣ вообще якуты особенно любятъ пить *кумысъ*, приготовляемый изъ лошадиного молока. Въ этотъ любимый всѣми татарскими племенами напитокъ, для большей пріятности и питательности, они прибавляютъ нетопленаго масла. Лѣтомъ, для питья якуты носятъ съ собою кумысъ въ кожаныхъ сумкахъ. Отъ долгаго употребленія его въ это время они очень толстѣютъ. Достаточные якуты пьютъ съ молокомъ кирпичный чай, изъ мѣдныхъ чайниковъ; у нѣкоторыхъ имѣются даже самовары и довольно хорошій чай.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и притомъ самый крѣпкій, каковой только могутъ достать, преимущественно черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то ошьянѣніе, которое иногда, ежели якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью якутовъ, ставятъ водку и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

Вѣру якуты исповѣдуютъ христіанскую, но исполняютъ только одни наружныя ея обряды, продолжая вѣрить своимъ шаманамъ и придерживаясь языческихъ суевѣрій.

Въ юртахъ держатъ они деревянныхъ болванчиковъ съ королевскими глазами, обшитыхъ берестой; но этимъ домашнимъ пенатамъ поклоненія никакого не воздаютъ, а во время ѣды говядины все лицо идоловъ вымазываютъ жиромъ.

Солнце и огонь почитаютъ болѣе всего, и признаютъ ихъ за существа живыя, которыя могутъ имъ дѣлать что захотятъ, а потому послѣднему всегда приносятъ жертву, бросая въ огонь предъ началомъ ѣды лучшій кусокъ и также отливая на него нѣкоторую часть изъ питья. Если при этомъ случаѣ на огнѣ щелкнетъ, то это предвѣщаетъ большое несчастіе, во избѣжаніе котораго стараются умиловити огонь новою жертвою. Солнцу же никакихъ жертвъ не приносятъ, потому что не видятъ отъ него зла.

Нѣкоторые якуты, равно и тунгусы, живущіе въ Якутской области и исповѣдующіе христіанство, благочестивы и оказываютъ почтеніе священникамъ, какъ служителямъ божіимъ; заранѣе приготовляются къ ихъ встрѣчѣ, очищаютъ для нихъ свои жилища, омываютъ всякую посуду, постятся, постилаютъ и въ жилищахъ и на дорогѣ лучшее сѣно, выходятъ къ нимъ на встрѣчу, кланяются имъ въ ноги, просятъ у нихъ наставленій и слушаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. По прибытіи къ якутамъ, священники обыкновенно исполняютъ требы: крестятъ младенцевъ, а иногда и взрослыхъ, исповѣдываютъ и, по усмотрѣнію, приобщаютъ св. Тайнъ, отпѣваютъ умершихъ, давно уже похороненныхъ, вѣнчаютъ брачующихся вокругъ чистаго стола, на которомъ полагаются крестъ и евангеліе, а вмѣсто вѣнцовъ на главы возлагаютъ малые обыкновенные, металлическіе кресты со шнурами.

Большинство, однако, придерживается шаманства, которое болѣе всего, конечно, поддерживается жрецами этой религіи—шаманами.

Главныя черты якутскаго характера суть: мстительность, суровость, необходимость и скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отмстить, непременно передаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Страсть якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу или доносъ,—они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ доучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за пустяковъ.

Необходимость и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ, впрочемъ, весьма разительную противоположность съ гостеприимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проѣзжимъ. Путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ, изъ разбросанныхъ, на огромномъ разстояніи, жильѣ радушное гостеприимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

При первомъ взглядѣ на якутовъ, можетъ показаться, что они ни о чемъ не думаютъ, между тѣмъ они только притворяются, а на самомъ дѣлѣ все знаютъ, что имъ нужно и можно знать по своему положенію. Они очень осмотрительны, внимательны ко всему и догадливы; почти никогда не даются въ обманъ русскимъ; а русскіе, напротивъ, бываютъ ими обманываемы, принимая ихъ притворство за искренность. Якуты очень пристрастны къ хлѣбному вину, къ табаку, къ игрѣ въ карты, къ борьбѣ и плясѣ, къ разсказамъ и баснямъ, въ которыхъ герои у нихъ слывятся «железными». Якуты курятъ табакъ изъ своихъ складныхъ трубокъ, играютъ въ карты до самозабвенія и проигрываютъ другъ другу послѣднія деньги, скоть и вещи.

Лѣтность ихъ чрезвычайна, а гордость князевъ выходитъ изъ предѣловъ; въ прежнія времена при князѣ, ѣдущемъ верхомъ, было нѣсколько скороходовъ; теперь это обыкновеніе вывелось отчасти. Страсть къ воровству и картежной игрѣ повальна; тутъ и мошенникъ считается человекомъ умнымъ. Плутни старшинъ довели якутовъ до крайности: они содержатъ бѣдныхъ въ совершенномъ рабствѣ, затруд-

няютъ имъ способы идти въ городъ приобрѣсть что нибудь работою, а чрезъ то дѣлаютъ ихъ вѣчными своими работниками. По древнему обычаю, якутъ до тѣхъ поръ не можетъ привести жены своей отъ тестя домой, пока не выплатитъ ему *калыма*, или условленной цѣны, уплата которой

продолжается иногда нѣсколько лѣтъ.

Хотя якуты, по христіанскому закону, и не должны имѣть болѣе одной жены, однакоже рѣдкіе изъ нихъ не имѣютъ двухъ, на что наши священники смотрятъ сквозь пальцы, употребляя только одно увѣщаніе къ соблюденію одноженства.

Обычай женить дѣтей еще въ малолѣтствѣ существуетъ и меж-

ду якутами, однакоже нѣкоторые молодые люди находятъ сами себѣ невѣсть. Въ этомъ случаѣ, съ согласія родителей, посылается свать къ отцу невѣсты и договаривается о калымѣ и приданомъ, которое бываетъ всегда въ половину противъ калыма; въ то же число включается и лошадиное мясо. По окончаніи договора, спрашиваютъ у невѣсты, согласна ли она выйти за такого-то замужъ? Молчаніе

невѣсты означаетъ согласіе. Тогда утверждается договоръ и назначается время для пріѣзда жениха, что обыкновенно бываетъ зимою, чтобы мясе не портилось, и въ первыхъ числахъ рожденія новой луны. Съ женихомъ пріѣзжаютъ обыкновенно родственники его и друзья, безъ женщинъ, съ подарками, состоящи-

ми въ скотѣ, конскомъ мясѣ и нѣкоторой части калыма. По пріѣздѣ, женихъ входитъ въ юрту и становится по правую сторону комелька, а отецъ съ матерью — по лѣвую, шаманъ сидитъ уже на отцовской кровати. Обрядъ начинается возліаніемъ: женихъ становится на правое колѣно и льетъ на огонь топленое масло, потомъ, приподнявъ шапку, киваетъ трижды головою. Тогда шаманъ провозглашаетъ чтобы онъ,

ЯКУТСКАЯ НАРТА.

былъ зятемъ счастливымъ и прижилъ бы съ женою своею множество дѣтей, размножилъ бы скотоводство и сдѣлался богатымъ человекомъ. По окончаніи церемоніи, женихъ выходитъ вонъ, снимаетъ съ себя дорожное платье, надѣваетъ праздничное и входитъ въ юрту со всѣмъ своимъ поѣздомъ, пробирается къ невѣстиной кровати, садится на нее и закрывается досками. Во все время торжества невѣста сидитъ гдѣ нибудь въ сосѣдней юртѣ. Гости садятся и начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ ложатся спать, или въ той же юртѣ, или уходятъ въ другую; женихъ же вступаетъ въ права мужа. По прошествіи трехъ сутокъ, гости разъѣзжаются, отдавши часть калыма и получивши отъ невѣсты часть приданого и полное носильное платье для жениха и его отца. Спустя нѣсколько времени, а иногда и черезъ годъ, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ мать женихова гостить столько же и выполняютъ тѣ же самые обряды, но не получаютъ въ подарокъ платья. Въ продолженіи того времени, какъ выплачивается калымъ, невѣста живетъ въ домѣ отца, но женихъ ѣздитъ къ ней когда ему угодно, и пользуется всѣми супружескими правами.

Когда калымъ будетъ совершенно выплаченъ, невѣста препровождается въ домъ жениха своими родственниками, при чемъ соблюдаются слѣдующіе обряды. Когда процессія приблизится къ юртѣ жениха (юрта строится новая), родственники завѣшиваютъ у невѣсты лицо горностаями, между тѣмъ два человека отправляются въ юрту женихова отца. При входѣ имъ подаютъ по кружкѣ кумысу, мѣрою около четверти ведра. Порядокъ требуетъ, чтобы они выпили всю кружку. Послѣ того они выходятъ вонъ, соединяются съ процессіею и ѣдутъ къ юртѣ жениха *). Невѣста при входѣ становится на правое колѣно, владетъ на огонь масло, и дѣлаетъ три поклона; сидящій же тутъ шаманъ говоритъ тѣ же слова, какъ и преж-

*) Этотъ обрядъ соблюдаютъ и буряты.

де жениху. Послѣ того всѣ идутъ къ тестю и пируютъ. На другой день молодую вводятъ къ свекру въ юрту на поклонъ, затѣмъ отецъ ея отсылаетъ къ тестю подарки, во время принятія которыхъ шаманъ садится возлѣ женихова отца, надѣваетъ на него новую шапку, и, бросивъ часть изъ присланнаго масла на огонь, призываетъ духовъ, умершихъ шамановъ и шаманокъ, проситъ, чтобы они изливали свои милости на вновь сочетавшихся. По окончаніи заклинанія, принесимъ подарки подаютъ по кружкѣ кумысу, и они уходятъ. Вечеромъ собираются уже къ отцу жениха мужчины и женщины, и пируютъ при различныхъ играхъ: бѣганіи, борбѣ, прыганіи и конскихъ скачкахъ. При этомъ съ обѣихъ сторонъ выставляются обжоры, которыя съѣдаютъ невѣроятное количество мяса и выпиваютъ фунтовъ по десяти и болѣе топленого масла съ кусками жира, старающіеся каждый превзойти своего соперника.

На третій день начинаются взаимные подарки, и если они хоть немного не удовлетворяютъ ожиданія, то новые родственники остаются на всю жизнь врагами. При бракахъ разсматривается только родство по мужскому колѣну, женское въ уваженіе не принимается; нисходящая линія, даже до десятаго колѣна, не можетъ вступить между собою въ бракъ. Но, съ другой стороны, отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже дядя можетъ жениться на родной племянницѣ.

Когда языческіе обряды кончатся, то новобрачные вѣнчаются въ первый пріѣздъ священника въ ихъ улусъ. Случается нерѣдко, что женихъ и невѣста расходятся, приживши уже нѣсколько дѣтей. Бываетъ также, что якутъ беретъ и другую жену при жизни первой, но въ этомъ случаѣ бракъ совершается при однихъ языческихъ обрядахъ.

Якуты, а по преимуществу якутки, изъявляютъ дружбу свою къ ближнимъ и особенно любовь къ дѣтямъ по своему: обнимая, нюхаютъ ихъ голову, шею и самую одежду, но никогда не цѣлуютъ. Только

немногіе якуты, бывающіе часто въ городѣ и обращающіеся съ русскими, изрѣдка выражаютъ свою пріязнь къ нимъ поцѣлуями.

Обряды при родахъ и похоронахъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Когда родится дитя мужескаго пола, то по зову отца собираются къ нему подъ вечеръ родственники и друзья, ѣдятъ убитую для этого случая скотину, а отецъ даетъ младенцу имя. При рожденіи же дочерей никакихъ праздниковъ не бываетъ.

Крещеніе совершается по пріѣздѣ священника въ улусъ.

Если якутъ умереть, его въ тотъ же день и хоронятъ, положивши съ нимъ пары двѣ изъ его платья и убитую верховую лошадь съ приборомъ. Надъ могилою дѣлаютъ срубъ, который обносятъ заборомъ, на столбы вѣшаютъ нѣсколько конскихъ шкуръ съ головами. Потомъ объѣзжаютъ могилу на лошадяхъ три раза по теченію солнца. Ближніе родственники къ могилѣ не приближаются, но, стоя, въ отдаленіи до трехъ разъ производятъ жалобный крикъ. Юрта, гдѣ умеръ якутъ, оставляется, и всѣ его домашніе переходятъ въ новую потому что умершихъ они почитаютъ съѣденными дьяволомъ, а дома ихъ, съ тѣхъ поръ, жилищемъ бѣса, нашедшаго себѣ жертву. При погребеніи шамана кладется съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшаютъ разодранный бубень; вообще съ умершимъ кладутъ говядину и масло, полагая, что ему въ томъ будетъ нужда. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ теперь оставлены. Священникъ отпѣваетъ умершаго въ могилѣ.

Зимою якуты всѣ почти дни и вечера проводятъ въ бесѣдахъ, въ разсказахъ басенъ и въ карточной игрѣ предъ своими комельками, поворачиваясь съ боку на бокъ; а жены ихъ, которыя вообще весьма трудолюбивы, занимаются въ это время разными рукодѣліями.

Зимою на голомъ земляномъ полу въ юртахъ передъ комельками вертятся всегда полунагіе и совсѣмъ нагіе ребятишки, которые, при появленіи русскихъ, выбѣгаютъ на встрѣчу къ нимъ на улицу, и смотря ни на какой морозъ.

Привычка къ холоду изумительна въ якутахъ. Они не берутъ съ собою въ самыя дальнія зимнія путешествія ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Во время путешествій якуты носятъ свое обыкновенное платье, причемъ почти проводятъ подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попон служитъ ему постелью, а деревянное сѣдло подушкою. Мѣховой курткой, которая днемъ служила ему платьемъ и которую онъ снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ свои плечи и спину, а переднею частью тѣла, почти совершенно раскрыто, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до пота, якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши влочами шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія. Вотъ все, что нужно якуту, чтобы не замерзнуть, во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ. Даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. «Безчисленное множество разъ видѣлъ я, говоритъ Врангель, какъ якуты спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ при 20° мороза. Короткая куртка свалилась съ плечъ, костеръ давно потухъ и все, почти обнаженно тѣло спящаго покрыто было толстымъ слоемъ инея».

Къ такой терпѣливости якуты привыкаютъ съ самаго младенчества. У нихъ трой сутки или болѣе, по нѣскольку разъ въ день, натираютъ новорожденныхъ младенцевъ снѣгомъ или обливаютъ холодною водою съ слѣдующею поговоркою: «терпи холодъ — стерпишь холодъ; терпи стужу — стерпишь стужу». Якуты не имѣютъ обыкновенія тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей: кладутъ ихъ нагихъ въ жесткія, почти голыя зыбки или въ корыта на бересту, съ подставленными внизу лотками для стока мочи; сверху прикрываютъ ихъ какими нибудь лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою, почти не укачиваютъ ихъ и не обращаютъ много вниманія на ихъ плачь и вопли, думая даже, что чѣмъ больше кричитъ младенецъ, тѣмъ больше и скорѣе растетъ. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда уже и родители

ЯКУТСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

одѣваютъ ихъ въ платье изъ кожи коровьей или какой нибудь звѣриной, а по праздникамъ — въ синія рубашки.

Въ лѣтнее время якуты занимаются скотоводствомъ, сѣновосомъ и рыбною ловлею, въ началѣ и концѣ зимы — ловлею бѣлокъ, лисицъ, бурундуковъ, а частію и соболей. Немногіе лишь обрабатываютъ землю и сѣютъ въ маломъ количествѣ ячмень, да и то по настоянію земскаго начальства.

Будучи по природѣ перемчивы, якуты дѣлаютъ по заказу и на продажу нѣкоторыхъ довольно красивыхъ вещей, особенно гребни, шпатулки, ящичи изъ мамонтовой кожи съ рѣзбюю, употребляя для того только одинъ ножъ. Якуты, кромѣ своей одежды, шьютъ искусно узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ коровьихъ кожъ и плетутъ изъ длинной травы

сити, половики или постилки не только для себя, но и на продажу.

Способностью къ ремесламъ якуты превосходятъ всѣ сибирскіе народы, и нѣкоторые якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Ихъ желѣзные издѣлія, отъ качества ли матеріала или превосходной обработки, не лопаются, качество, котораго не имѣютъ даже лучшія англійскіе топоры. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой

черной кожей; для прочности же ихъ свиваются жестяными полосами. Говоря короче, они ловкіе мастера почти во всемъ: они искусные плотники и печники; деревянные дома строить такъ чисто и такъ

ЯКУТСКАЯ КОЛДУНЬЯ.

плотно, что хоть бы лучшему мастеру. Изъ мамонтовой кости они очень хорошо дѣлаютъ гребни, гребенки и разныя другія издѣлія. Въ городѣ Якутскѣ мебель работаютъ исключительно якуты; при недостаткѣ въ инструментахъ трудности побѣждаютъ терпѣніемъ, и за все это они получаютъ самую ничтожную плату; можно сказать что работаютъ изъ одного только пропитанія. Якутки хорошія швеи бухарки и работницы.

Вообще о якутахъ можно сказать, что они чрезвычайно остры и перемчивы. Скоро выучиваются читать и писать, и склонны къ художествамъ. Между ними былъ даже одинъ живописецъ, котораго работа видна и теперь во многихъ домахъ и церквахъ.

Богатство якутовъ состоитъ въ огромныхъ стадахъ рогатаго скота и въ значительномъ количествѣ лошадей. Лошади имъ служатъ для дальнихъ переѣздовъ и въ особенности для верховой ѣзды; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей всегда служатъ волю, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ посредствомъ поводевъ, привязываемыхъ за деревянные кольца, продѣваемые въ ноздри животныхъ.

Якутскія лошади остаются на холодѣ даже въ то время, когда замерзаетъ ртуть. Ходя въ это время ходъ открытымъ небомъ, онѣ разрываютъ копытами снѣгъ для добыванія себѣ пищи, состоящей въ это время изъ остатковъ побитой морозомъ осенней травы. Эти животныя, до невѣроятности пріученныя къ лишеніемъ всякаго рода мѣняють шерсть, какъ и всѣ другія звѣри крайняго сѣвера. Лошади здѣсь всегда свѣжіе и сильныя, хотя во время трудныхъ, нерѣдко мѣсяца три длящихся путешествій питаются исключительно сухой полусгнившей травой. Онѣ до глубокой старости сохраняютъ зубы и несравненно долѣе остаются молодыми, чѣмъ наши лошади; круглымъ числомъ лошадей здѣсь служитъ 30 лѣтъ.

Звѣриная ловля есть вторая статья ихъ промышленности. На ловлю соболей отправляется немного якутовъ, по причинѣ отдаленно-

сти тѣхъ мѣстъ, гдѣ соболи водятся, отъ якутскихъ жилищъ. Богатые посылаютъ бѣдныхъ, давши имъ ружье, пороху и свинцу, да для пропитанія нѣсколько лошадей, коровъ и масла.

Самымъ лучшимъ промысломъ почитается тотъ, если работникъ добудетъ 20 соболей; всего же больше занимаются стрѣлянѣмъ бѣлки и ловлею лисицъ. Многіе изъ якутовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ тунгусовъ, ламутовъ, юкагировъ, получаютъ пушныхъ звѣрей разными обманами отъ этихъ простодушныхъ людей. Сначала стараются ихъ задолжить чѣмъ нибудь, напр. съѣстнымъ въ голодное время и проч., послѣ сего бѣднякъ дѣлается уже ихъ вѣчнымъ должникомъ, и хоть чувствуетъ всю тягость, отъ того происходящую, но переноситъ терпѣливо. Тѣ же изъ якутовъ, которые для торговли пробираются въ Удской край, мало того что совершенно обираютъ пьяныхъ тунгусовъ, но, разъѣзжая по звѣреловнымъ мѣстамъ вынимаютъ попавшагося въ ловушку звѣря. Когда же придетъ время тунгусу платить ясакъ, якутъ снабжаетъ его пушными звѣрями, у него же взятыми, и оставляетъ опять своимъ должникомъ.

Надо замѣтить, дикари рубятъ звѣрей безъ пощады, отчего промыслы съ каждымъ годомъ уменьшаются.

Кромѣ означенныхъ промысловъ, якуты доставляютъ въ Якутскъ на убой скотъ и продаютъ купцамъ коровъ и кожи для обшивки тѣхъ товаровъ, которые идутъ въ Охотскъ, Колыму и далѣе. Земледѣліемъ рѣшительно ни одинъ якутъ не занимается, хотя ярица и поспѣваетъ, а гималайскій ячмень могъ бы родиться очень хорошо, что доказано опытомъ близъ Якутска.

ЯКУТЫ.

ОСТЯКИ.

XLVII. ТУНГУСЫ И ЮКАГИРЫ.

Сибирскіе казаки узнали тунгусовъ въ началѣ XVII вѣка подъ этимъ именемъ отъ остяковъ. Жизнь тунгусовъ не измѣнилась и до настоящаго времени; теперь, какъ и прежде, встрѣчаются между ними 1) занимающіеся скотоводствомъ и даже хлѣбопашествомъ; 2) занимающіеся рыбнымъ промысломъ и ѣздящіе на собакахъ, — и 3) собственно оленные или кочевые тунгусы.

Образъ жизни осѣдлыхъ тунгусовъ совершенно различенъ отъ кочевыхъ. Осѣдлые тунгусы имѣютъ въ своихъ поселеніяхъ небольшія постройки, примѣняясь въ удобствамъ нашихъ крестьянскихъ домовъ и нѣсколько прихотливой отдѣлки; вромѣ общаго семейнаго помѣщенія, вы найдете у каждаго тунгуса отдѣльную, чистую комнату, собственно для приѣма почетнаго гостя. Печи, соображаясь съ родомъ приготовленія пищи, считаются ненужными, и онѣ замѣняются обыкновенно камельками, тщательно обмазанными и выкрашенными глиною. Въ окнахъ, за неимѣніемъ на сѣверѣ Сибири стеколъ, употребляются слюда и очищенные нерпичьи пузыри, а въ случаѣ необходимости вставляется толстый ледъ. Вообще хозяйство осѣдлыхъ тунгусовъ приближается къ русскому сельскому быту, даже въ отношеніи скотоводства, не смотря на то, что весьма немногіе

изъ нихъ привыкли къ этому роду занятій. Вѣроятно, понимая всѣ преимущества, которыми пользуются исключительно люди, постоянно живущіе на мѣстѣ, осѣдлые тунгусы охотно улучшаютъ бытъ свой, и такимъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе кочевыхъ инородцевъ. Одежда ихъ заключается въ оленьихъ шкурахъ, приобрѣтаемыхъ ими мѣною на разные припасы у оленныхъ тунгусовъ главное продовольствіе — рыба съ примѣсью жира морскихъ звѣрей, промыселъ которыхъ составляетъ первое богатство прибрежныхъ населеній.

Наконецъ есть тунгусы сидячіе, не имѣющіе оленей и домашняго хозяйства; образъ жизни ихъ, при недостаткахъ, которые они терпѣваютъ, заслуживаетъ состраданія. Жилища ихъ состоятъ болѣею частію изъ такихъ землянокъ или юртъ, помѣщеніе въ которыхъ въ зимнее время можетъ быть допущено только при тяжелыхъ условіяхъ того животнаго состоянія, въ которомъ эти люди остаются по причинѣ нищеты. Одежда приобрѣтается ими отъ оленныхъ тунгусовъ въ видѣ подаянія, а дневную пищу ихъ составляетъ рыба, добытая въ теченіи дня; въ случаѣ же неулова рыбы, нерѣдко бываетъ, что они по нѣсколькимъ днямъ остаются безъ продовольствія. Все ихъ достояніе состоитъ въ шести или восьми собакахъ, съ помощью которыхъ они переѣзжаютъ съ одной рѣчки на другую для рыбной ловли, единственно поддерживающей ихъ существованіе.

Только одна крайняя нужда можетъ заставить тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ, потому что тунгусъ — кочевникъ со всею страстью души; уже черезъ нѣсколько дней онъ переноситъ свою палатку на другое мѣсто, и утверждаетъ, что не существуетъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ по русски или якутски. Своею беззаботностію и веселостію, подвижностію, ловкостію и острою, пріятностію и веселымъ юморомъ, тунгусъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ племенъ: мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка, кислаго, непривѣтливаго якута, и по-

тому тунгуса можно назвать французомъ тундры и лѣса. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже, ибо хитеръ и пронырливъ. Одежда тунгуса очень соотвѣтствуетъ его подвижности, и въ то же время показываетъ его легкомысліе. Онъ не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, а изъ тѣхъ же шкуръ шьетъ себѣ особый костюмъ, обыкновенно изукрашенный бусами, полосками суна и конскими волосами, и на столько узкій, что едва можно застегнуть, ибо по тунгусской модѣ нужно оставлять грудь открытою, чтобы видна была расшитая бусами нижняя одежда, покрывающая грудь. На головѣ тунгусъ носитъ татарскую ермолку, всю унизанную бусами. Короткія, доходящія до колѣнъ панталоны, изъ тонкой замши, и башмаки, точно также украшены полосками изъ бусъ; на плечахъ висятъ ожерелье изъ бусъ съ мѣшечкомъ съ огнивомъ, трютомъ и кремнемъ. Наконецъ лента, обвивающая длинную косу, красиво унизана оловянными пуговицами, бусами и старыми мѣдными пружинами. Всѣ эти украшенія тунгуски очень искусно нашиваютъ сухожильями сѣверныхъ оленей. Эти сухожилья сначала дѣлятся на волокна нужной толщины, потомъ размачиваются во рту, пока не утанутъ клейкими, и наконецъ концы волоконъ скручиваются ладонью на правомъ колѣнѣ. Признакомъ работающей женщины можетъ служить лосвященное, покрытое клеємъ мѣсто на кожаныхъ панталонахъ. Работая, она куритъ крѣпкій табакъ, и такъ какъ онъ на столько же дорогъ, на сколько дурень, то къ нему постоянно примѣшиваются мелкія, постоянно свѣжія сосновыя стружки. Сильно затянувшись, тунгуска выпускаетъ клубы дыма изъ носа.

Когда тунгусъ ѣдетъ верхомъ на своемъ сѣверномъ оленѣ по лѣсу (при этомъ онъ сидитъ такъ гордо на своемъ оленѣ, какъ будто они созданы другъ для друга) или отправляется на охоту за дичью по болотамъ, тогда естественно онъ снимаетъ нѣкоторые украшенія, ибо бусами унизанные башмаки въ такое время не могутъ выполнять своей цѣли. Тунгусъ надѣваетъ тогда свои длинные непромы-

каемые сапоги (сари), которые пропитываются теплымъ рыбьимъ жиромъ. Для этой цѣли набираютъ жиръ въ ротъ и мелкими брызгами вспрыскиваютъ кожу.

Охотничьи снаряды тунгуса необыкновенно просты. Топоръ для рубки лѣса, котелокъ, кожаный мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ вяленого мяса, собака, короткое ружье, лыжи и очки для снѣга: вотъ-все, что нужно маленькому, некрасивому, съ выдающеюся челюстью, съ желтымъ, полосами натаитурованнымъ, лицомъ тунгусу для того, чтобы идти въ лѣсъ. Лыжи, въ 5 футовъ длиною и 4 дюйма шириною, имѣютъ видъ лодки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощью лыжъ, онъ какъ стрѣла носится по ослѣпительно бѣлой поверхности и защищаетъ, какъ и якутъ, свои глаза отъ отраженія снѣга весьма красиво сплетенною изъ черныхъ конскихъ волосъ частою сѣтью.

Само собою разумѣется, что вѣчно-кочующему оленному тунгусу нужно имѣть переносное жилище. Онъ покрываетъ свою палатку замшею или внутреннимъ слоемъ бересты, которому придаетъ гибкость кожи тѣмъ, что мнетъ его, копытитъ и держитъ на водяныхъ парахъ. Юрта осѣдлаго тунгуса по внутреннему расположенію похожа на якутскую, и состоитъ изъ квадратнаго пространства съ плоскою земляною крышею, и такой величины, чтобы оно быстро прогрѣвалось каминомъ изъ битой глины.

Относительно пищи и питья тунгусы вовсе неразборчивы, и пьютъ и ѣдятъ, что попадается. Одно изъ любимыхъ ихъ кушаній состоитъ изъ неперевареннаго содержимаго желудка сѣвернаго оленя; прибавивъ къ нему ягодъ, они раскладываютъ его тонкими пластами на древесную кору и сушатъ на солнцѣ или вѣтрѣ. Тунгусы очень много употребляютъ вирпичнаго чая; они изъ него съ жиромъ и ягодами готовятъ густую вашицу. Отъ этого нездороваго кушанья тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя желты по природѣ.

Весьма не многіе тунгусы обратились въ христіанство, большею же

ТУНГУСКИЙ ХРАМЪ НА АМУРѢ.

частью они по-прежнему чтут своих шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а владутъ покойниковъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, въ большіе ящики, которые вѣшаются между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ, развѣ шаманъ случится по близости: тогда прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который поѣдается шаманомъ и родственниками покойника, а духи наслаждаются запахомъ сожженнаго жира.

Какъ у остяковъ и самоѣдовъ, такъ и у тунгусовъ на женщину смотрятъ какъ на товаръ. Отецъ отдаетъ свою дочь за 20 или за 100 сѣверныхъ оленей, или же женихъ долженъ, какъ нѣкогда Іаковъ свою Рахиль, выкупить жену продолжительной кабалкою. Многоженство здѣсь допускается, но немногіе могутъ себѣ позволить роскошь имѣть двухъ женъ.

Въ Восточной Сибири тунгусы вмѣстѣ съ якутами перевозятъ тяжести и путешественниковъ по неизмѣримымъ лѣсамъ, при чемъ путешественники не разъ имѣли случай подивиться тунгуской ловкости и веселости. Приѣхавъ вечеромъ на ночлегъ, въ одно мгновеніе оленя развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ; узды и вожжи собраны и повѣшаны на древесныя вѣтви, голодное стадо исчезло въ лѣсной чащѣ: оно само позаботилось о своемъ кормѣ. За тѣмъ мужчины, ушедшіе съ топорами, притаскиваютъ на бивакъ пару срубленныхъ большихъ листовняцъ. Тонкія вѣтви обрубаются и складываются на снѣгу вмѣсто тюфяковъ; стволы кладутся на расчищенномъ для костра мѣстѣ. Потомъ изъ середины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами и хвоею, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ, наполненный снѣгомъ, уже вить на толстой вѣтви, воткнутой въ землю, всось по вѣтру около костра. Черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ. Такъ какъ тун-

гусы каждый вечеръ все это дѣлаютъ одинаковымъ способомъ, то очевидно они мастерски къ этому приладились.

Спокойно сидя на оленьемъ сѣдлѣ, подъ которое подложены обрубленныя вѣтви, путешественникъ любитъ игрою пламени, освѣщающаго то исполыскіе стволы деревьевъ, то блестящія массы снѣга, или же наслаждается хороводомъ веселыхъ тунгусовъ, которые водятъ его подъ мелодическіе звуки пѣсенъ. Захочетъ путешественникъ подивится ловкости тунгусовъ въ играхъ, стоитъ ему сказать нѣсколько словъ, и роздать по нѣсколькѣ глотковъ водки. Двое тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ, чтобы она не касалась земли. Въ то время третій тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ лукъ и стрѣлу, натягиваетъ первый, пускаетъ послѣднюю и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Смѣлые тунгусы даже подставляютъ ноги острію меча, которымъ изъ всей силы машетъ лежащій на землѣ тунгусъ.

Если же путешественникъ любитъ шахматную игру, то тунгусы и тутъ къ его услугамъ, ибо они (именно въ Колымскомъ округѣ) со страстью предаются этой игрѣ.

Какъ и всѣ другіе сибирскіе кочевники, тунгусы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщаютъ различныя ярмарки, которыя бываютъ въ громадной области ихъ кочевьевъ — въ Киревскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, чрезвычайно живописной Чатѣ и крайне печальномъ Охотскѣ. Очевидно, что на этихъ ярмаркахъ идетъ такая же торговля, какъ и на всѣхъ другихъ ярмаркахъ крайняго сѣвера, и предметы торговли одни и тѣ же, ибо и продукты, и потребности кочевниковъ почти вездѣ одинаковы. Тунгусъ страстно любитъ водку, и нерѣдко пьетъ послѣ перваго стакана; онъ отдастъ за одинъ стаканъ водки всѣ свои мѣха, а за второй стаканъ не пожалѣетъ послѣдней своей верхней одежды (саннаякъ). Понятно что русскіе любятъ такихъ кліентовъ, и что многимъ тунгусамъ изъ-за водки пришлось сдѣлаться *промышленниками*. Православные торговцы пушнымъ

товаромъ, лучше всѣхъ своихъ купцовъ въ мѣрѣ умѣющіе пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, охотно отправляются къ тунгусамъ — язычникамъ съ большимъ запасомъ водки.

Отъ тунгусовъ перейдемъ къ сосѣдямъ ихъ — юкагирамъ.

Дома обрусѣвшихъ юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большей части изъ одной комнаты. Въ ней всегда на лѣво отъ входа, вмѣсто обыкновенной въ русскихъ избахъ печи, помѣщается чумалъ, или очагъ, гдѣ непрерывно горитъ огонь для согрѣванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образа; по стѣнамъ развѣшиваются ружья, луки и стрѣлы; на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по срединѣ ставится большой столъ, и широкія лавки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда юкагировъ соответствуетъ суровому климату. Мужчины и женщины одинаково носятъ парки, камлейки, и т. д., изъ оленьихъ шкуръ, съ тою разницею, что женщины повязываютъ голову платкомъ и на паркахъ дѣлается у нихъ откидной воротничекъ изъ соболя или росомахи, а на мужскихъ бываетъ стоячій воротничекъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха. Впрочемъ женская одежда шивается изъ шкуръ оленьихъ выпоротковъ, вырѣзанныхъ изъ живота самки, а мужская просто изъ молодыхъ оленей.

Въ очеркѣ лица юкагиры почти совершенно сходны съ русскими. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое довольно правильное лицо и удивительная, особенно у женщинъ, бѣлизна тѣла, составляютъ отличительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни юкагировъ виднѣтъ еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, веселаго расположенія духа кочеваго народа; у нихъ сохранилось во всей чистотѣ радушное гостепріимство, какъ равно и нѣкоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Къ несчастію, отъ сообщенія съ русскими, на которыхъ

смотрятъ они какъ на своихъ порабощателей, между юкагирами всеренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой или старшій, играетъ на скрипкѣ или на баладаикѣ *). У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсень есть что-то особенное, неправильное и дикое, сначала непріятное для слуха, но впоследствии оно можетъ нравиться. Вообще юкагиры при пѣніи импровизируютъ не только слова пѣсень, но и самыя напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсень юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается при томъ о соловьѣ, сизокрыломъ голубкѣ, рѣшетчатыхъ окнахъ и другихъ предметахъ, нынѣ юкагирамъ совершенно не извѣстныхъ. Можетъ быть, эти понятія принесены сюда предками юкагировъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія страны, хотя туземцы рассказываютъ много чудеснаго о походеженіяхъ своихъ предковъ. Мужчины восхваляютъ собственные подвиги, напоминаютъ убитаго оленя, медвѣдя, или преодолѣнную опасность, превознося притомъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней бесплодной страны зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду а отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удалаться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры,

*) Странно, что при такой общей склонности юкагировъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента; по крайней мѣрѣ Врангелю не удалось замѣтить ничего подобнаго.

гдѣ водятся другіе сибирскіе звѣри. Время переправы оленей чрезъ Анюю составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и юагиры съ такимъ же боязливымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого животнаго, съ какимъ земледѣльцы другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы или собиранія винограда.

Олени два раза въ годъ переправляются черезъ рѣки, весною и осенью, но, по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткимъ промежуткомъ времени, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тнутся на сѣверныя тундры, отыскивая лучшій кормъ и избѣгая комаровъ, съ первою теплою погодою являющихся во множествѣ и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго сибирскаго

ШАМАНЪ И ШАМАНКА.

лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ или ловить петлями; но послѣднее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и ранами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шеура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда эти животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и шеура, покрытая уже новою шерстью, тверда

и прочна. Разница въ добротѣ между весеннею и осеннею кожами оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а много за полтора, но за вторую надобно платить отъ 5-ти до 8-ми рублей.

Охота на оленей весьма подробно описана въ путешествіи Врангеля, изъ котораго приведемъ слѣдующія подробности.

Когда мы пріѣхали въ Плотище, говоритъ Врангель, все собранное тамъ народонаселеніе находилось еще въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленныя табуны оленей показались въ долину, къ сѣверу отъ рѣки Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки, и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми табунами, по 200 и по 300 головъ каждый, на такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Для переправы обыкновенно спускаются олени къ рѣкѣ по руслу высохшаго, или маловоднаго притока, выбирая мѣсто, гдѣ противудежащій берегъ отлогъ. Сначала весь табуны стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними выдвигается весь табуны, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, срывавшіеся на своихъ лодкахъ за камнями и кустарниками, обыкновенно подъ вѣтромъ, отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длинными

копьями и поколюгами, врываются въ табуны и колютъ, съ невѣроятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположнаго берега.

Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, беспорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку, гибель охотника почти неизбежна. Онъ можетъ спастись только ухватившись за сильнаго нерапенаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣстѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табуны весьма многочисленны и придеть въ беспорядокъ, поколка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устранныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе

собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и издыхаютъ уже на берегу.

Оленья охота въ водѣ представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обогрѣнная кровью поверхность рѣки — все это вмѣстѣ представляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

По окончаніи охоты и раздѣла добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ они черезъ нѣсколько часовъ портятся и начинаютъ гнить, а напротивъ въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ или

при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда также солятъ лучшія части. Особымъ лакомствомъ почитаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно берегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Другое занятіе юкагировъ состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ. Берега рѣкъ обставлены безчисленнымъ множествомъ ловушекъ, силковъ, блящцовъ и пастиновъ всякаго рода, для собелей, росомахъ, лисицъ, бѣловъ и горностаевъ, которые, не смотря на постоянное преслѣдованіе ихъ съ незапамятныхъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Каждый трудолюбивый юкагиръ ежегодно выставляетъ съ первымъ снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіи зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при каждомъ осмотрѣ въ восьмой

или девятой ловушкѣ находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго

ПРЕСЛѢДОВАНИЕ ОЛЕНЕЙ.

сврѣпленія, чрезвычайно разнообразны, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманый механизмъ заслуживаетъ удивленія. Ояѣ такъ приспособлены къ свойствамъ, походеѣ и силѣ

каждой породы попадающихся здѣсь звѣрей, что кажется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.